

Даля Трускиновская

Королевская кровь

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Королевская кровь / Д. М. Трускиновская — «Автор»,

«Собирается вместе королевская кровь...». Эта строка из песни красной нитью проходит через весь роман. Королевская кровь, расплесканная по лесам, полям и морям сказочного королевства, уничтожаемого могущественным колдуном, действительно собирается вместе – собирается для того, чтобы вернуть людям их достоинство, их честь, опрометчиво променянные на «справедливые» законы, уравнившие умного с дураком, лошадь с коровой, черное – с белым... Роман «Королевская кровь» написан на материале европейского средневековья, как красочное произведение в жанре фэнтези.

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Содержание

Как вы мне все надоели!...	5
Королевская кровь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Далия Трускиновская

Королевская кровь

Как вы мне все надоели!... (Пролог)

Значит, скакала на косматом звере, а огненные кудри развевались и неслись следом? И красоты была чудесной? И, взлетев на обрыв, удержала зверя и громко расхохоталась? Да, пожалуй, я мог бы кое-что рассказать про эту всадницу, господи мои, пожалуй, мог бы... да...

Возможно и вы с ней познакомились, сами того не подозревая, ежели бывали в графстве нашем лет этак двадцать назад. А точнее – незадолго до того, как отправили в монастырь двух старших графских дочек и объявили о помолвке младшей.

Стало быть, недели за три до этой самой помолвки, поздно вечером, замковые ворота отворились и выпустили четырех всадников. Трое были подвыпивший гость-рыцарь и его оруженосцы. Они к нашей истории отношения не имеют. Четвертый выскочил, когда мост уже стали поднимать, обогнал тех троих и что есть конского духа понесся по дороге. Стража что-то кричала ему вслед, но он плевать хотел на стражу и скоро скрылся за поворотом.

Всаднику исполнилось, по моему соображению, лет девятнадцать. Из-под бархатного пажеского берета выбивался целый водопад рыжих волос, прямо-таки грива львиная. И эта неуправляемая шевелюра от скачки еще спуталась, взвихрилась и стала как огромное помело.

Больше в чертах всадника не было ничего примечательного: белая кожа, как у большинства рыжих, острый нос и подбородок, складная мальчишеская фигурка... да, главное! Он рыдал в три ручья. И, простите, утирал парчовым рукавом сопли из носа. А поскольку парча штука жесткая, нос у него сделался малиновый.

Продолжая хлюпать носом, всадник свернул в лес и вынужден был придержать коня, чтобы его не выбила из седла какая-нибудь хитрая ветка. В конце концов жеребчик и вовсе пошел шагом, а возле Березовых ворот встал как вкопанный.

Если ваши милости охотились в тех лесах, то должны знать Березовые ворота. Когда проедешь под ними, то попадешь на единственную ведущую через болото тропку. А ежели нет... Ну, вообразите себе две березы, друг к дружке так наклонившиеся, что одна вроде как на плече у другой отдыхает. Это и будут те ворота.

Возле них уже лет с полсотни нечистая сила пошаливала. Запирала их, что ли? Вроде вот она, тропка, а между березами будто невидимую холстину натянули, упрешься в нее грудью и ни тпру ни ну. А мимо берез идти – так с головой и ухнешь...

Вот, значит, нашему пажу тоже кто-то незримый холстину натянул. И сидит себе в кустах, ждет, что получится.

Я так полагаю, любой здравомыслящий человек плюнул бы на Березовые ворота и домой отправился – мол, не судьба. Но пажик наш был слегка не в себе. И как завопит он рыдающим голосишком!

– Бабка! – вопит. – Бабуля! Бабусенька! Я это, бабуля!

Аж спящие птицы с веток посыпались от того вопля.

Поорал он этак, поорал – и замолк, прислушиваясь. А по тропинке ему навстречу – шаги неторопливые. И появляется старая ведьма в клетчатом платке до земли и с черным котом на плече.

Ну, описывать ведьму, я думаю, ни к чему – только аппетит отбивать. А вот кот у нее был необычный. Так сразу и не поймешь, чем он от прочих котов отличается. Вроде как голова

маловата, лапы крупноваты, клыки какие-то не белые, а вовсе янтарного цвета, и кудлатый, что барбос. Однако ж кот, без всякого сомнения. Должно быть, заморский.

Так что бредет эта расчудесная бабуля, скорчившись в три погребели, и бормочет:

– Ох, как вы мне все надоели!...

Паж увидел ее – с коня сорвался и обниматься к старухе норовит. Она даже кулачишком замахивается – мол, отстань, а то плохо будет! А пажик схватил ее в охапку и в щеку целует – тьфу, это ж надо...

И говорит ей:

– Бабка Тиберия, что хочешь делай, только помоги! На тебя одна надежда! Если же ты мне не поможешь – руки на себя наложу! Вот прямо на этих самых березах и повешусь! Или в болото сигану! В общем, не жить мне на этом свете...

– Из болота тебя, милый друг, болотные черти выпихнут, – спокойно отвечает бабка, утираясь от его поцелуев. – И березовые ветки тебе не дадутся. Не для того я эти ворота налаживала, чтобы на них дураки вешались. Ты лучше прямо скажи – сам ничего не напутал?

– Ничего, бабуля! – рапортует юный паж, преданно глядя ей в очи.

– В полночь на башню, под открытое небо вышел?

– Вышел!

– Догола разделся? Стыд не одолел?

– Разделся...

– И носочки снял? – допытывается бабка с намеком.

– Снял!

– И крест на животе углем начертил?

– Начертил!

И начинает этот безумец для убедительности камзолишко расстегивать, чтобы мазню на пузе показать. Бабка на него руками замахала.

– Ты что же, так с той ночи и не мылся? – сурово спрашивает. – Тогда извини, внучек, но тебя, неряху, за одно за это никакая девушка не полюбит, не говоря уже о молодой графине!

Задумался паж и опять рубаху в штаны затолкал.

– Я думал, чем дольше крест продержится, тем лучше... Для крепости заклинания...

Усмехнулась бабка.

– Тоже мне, знаток нашелся... Что дальше делал?

– Лег, на Луну смотрел. Потом семь раз заклинание повторил. Уголь раскрошил, в стакан с водой всыпал. Оделся. Вниз спустился. На ее порог побрызгал...

– На порог спальни?

– Ты же сама велела, бабуля – на порог спальни! И шерстяные ниточки связал, под половицу засунул.

– Странно... – задумалась ведьма. – Не действует мое колдовство... погоди! Вода в стакане была ключевая?

– Нарочно днем к ключу бегал!

– Уголь – еловый?

– Сама же ты мне, бабка Тиберия, дала этот уголек!

– Верно... Шерстяные ниточки – красные?

– Самые что ни на есть красные! Из корзинки у старой графини утащил, она любит шерстью вышивать.

– Ну, тогда... – старуха помолчала, хмыкая и как-то странно причавкивая. – Тогда одно тебе скажу – не удастся тебе приворожить молодую графиню. Ее еще до тебя кто-то присушил. И приворот его сильнее моего оказался.

– Ну, бабушка, тогда мне и впрямь одна дорога – в болото! – воскликнул паж и, отпустив повод коня, прыгнул с тропинки вбок. Под ногами хлюпнуло, он запрыгал дальше и действительно на пятом прыжке провалился по самые уши.

– Ну как оно, не сыро? – хладнокровно спросила бабка.

Паж пустил несколько крупных пузырей.

– Посиди малость, остынь...

И, выждав несколько, ведьма трижды коротко свистнула. Кот у нее на плече выгнул спину и роскошно зевнул.

– У-ху-ху-ху-ху! – раздалось из глубины болота.

– Поддай-ка, дружок, этому голубчику снизу покрепче, – велела бабка. – А то, гляди, ревматизм схватит.

– Э-хе-хе-е... – согласились в болоте, и неведомая сила вытолкнула пажа, так что он, бедняга, взлетел мало чем пониже Березовых ворот и приземлился на тропинку возле ведьмы. Болотная грязь сразу же потекла с него.

– Ничего себе! – восхищенно произнес паж, ощупывая то, что у всех у нас расположено пониже спины.

Бабка критически его оглядела.

– Делать нечего, придется тебе заглянуть ко мне в гости, одежонку просушить, – решила она. – Не стоит тебе в таком виде домой возвращаться. Поди объясни всякому, где ты побывал да что из этого получилось...

– А сможешь? – с надеждой спросил паж.

– Почиститься помогу. А насчет молодой графини – там, видно, посильнее меня колдун потрудился. Деньги я тебе, конечно, верну... Раз уж неудача получилась...

Она повернулась и пошла по тропке. Ворота пропустили и ее, и пажа. Но когда конь решил было последовать за хозяином, то натолкнулся грудью на холстину-невидимку. Так и встал, как вкопанный.

Избушка оказалась в трех шагах от ворот.

Ну, описывать эту хибару незачем – вы, господа мои, сами не раз заглядывали в такие апартаменты, то рану залечить, то за приворотной травкой, вроде нашего пажа, а то еще, боже упаси, за той водичкой без цвета, вкуса и запаха, от которой врагам нездоровится... простите великодушно!

Ведьма завела туда пажа, спустила с плеча кота и стала подбрасывать дрова в очаг, разводя большое пламя. Паж тем временем разделся догола и завернулся в клетчатый платок старухи размером с доброе одеяло. Она взяла его пожитки, встряхнула так, что вся сырость из них с брызгами, должно быть, вылетела, и развесила над огнем.

– Бабушка, а бабушка, – обратился к ней паж. – А если молодую графиню раньше меня присушили, может, все-таки удастся ее отсушить? А?

– Может, и удастся – проворчала старуха. – Только я этим заниматься не стану.

– Бабушка, а бабушка!

– Чего еще?

– А как узнать, присушили ее или не присушили?

Ведьма задумалась.

– Я тебе дала довольно сильное заклятие. Сильнее елового уголька да креста на живом теле может быть только трава тысячелистника, собранная в полночь и заговоренная над зеленым огнем. Или иголка, вымазанная в крови и воткнутая за стропила... Но ту еще смотри как воткнешь. Тоже – наука...

– За стропилами? – переспросил паж.

– Да. Хочешь – заберись в спальню к графской дочке, пока она с подружками в саду гуляет, и посмотри сам. Может, найдешь ржавую иголку за стропилами или пучок тысячелист-

ника в ином укромном месте. Да! Если по четырем углам пятнышки на полу, вроде как зеленоватой краской брызнули, это – тоже заговор! Только послабее елового уголька.

– Бабушка!

– Что, внучек?

Внучком ведьма звала пажа, конечно же, в насмешку. Он ей не то что во внуки – в прапраправнучки, пожалуй, годился.

– Бабуль, а пошла бы ты со мной в замок, а? Вместе бы поискали! – предложил паж.

От такой наглости ведьма онемела.

– Ты, внучек, должно быть, не знаешь, что я со своего болота никуда не уйду, – ласково сказала она, опомнившись. – Сундук серебра сулили мне, чтобы на день съездила в город, посмотрела бургомистрова сынка, что таял, как свечка. И лошадей к Березовым воротам привели. Не поехала. Мальчонку сюда везли.

– И что же с ним было?

– Ерунда, мачеха след вынула. Я в глазки этой мачехе только разок посмотрела – и сама она во всем повинилась. А когда правда на свет выплывает – бывает, и болезнь сама проходит.

– Так что не пойдешь со мной, бабуля?

– Не пойду, внучек. Деньги твои верну, коли не заработала, а отсюда не двинусь.

Паж вскочил и запахнулся в платок.

– Тогда, бабушка, и деньги отдавать будет некому.

– Это почему же?

– Покойнику они без надобности! А жить без графской дочки я не собираюсь! Вот!

– Не скоро ты еще станешь покойником.

– А вот увидишь!

И паж как был, в клетчатом платке, мотнул рыжей гривой и выскочил из ведьминой избушки.

– Стой! – закричала старуха. – Куда?! Штаны надень!

– Покойнику и штаны не нужны! – донеслось с болота.

Вскинув на плечо кота, похватав сушившиеся над очагом камзол и прочую одежку пажа, ведьма кинулась за дверь.

Говорят, дураков, влюбленных и пьяных сам Бог бережет. Не знаю, выпил ли в ту ночь наш пажик хоть каплю хмельного, а что был он и дураком, и влюбленным сразу – это, господа мои, уж точно! Потому в порыве неслыханной удачи пролетел он над гиблыми и топкими местами, минуя Березовые ворота, и опомнился лишь на опушке лесной. И сам удивился – как это не провалился к чертям болотным?

Через несколько минут его нагнала ведьма. Она спешила, озираясь, шустрой побежкой, вроде даже и неприличной для ее древних лет. Но на опушке было старухе что-то неуютно, словно боялась она неведомого врага.

– Держи штаны свои с башмаками, отдавай мой платок!

– Не отдам! – паж вцепился в платок и отскочил.

Старуха швырнула наземь вещички пажа и погналась за ним. Но парнишка был быстрее, да и немудрено – в девятнадцать-то лет.

– Сходишь со мной в замок – отдам! – обещал он, уворачиваясь.

– Да не могу я в замок! – взмолилась ведьма. – Нельзя мне вообще с болота выходить!

– Почему, бабушка?

– Нельзя – и все тут! Думаешь, почему Березовые ворота болота на запоре держат? А?

– От кого же ты бережешься?

– А-а... – И бабка махнула рукой.

– Бабка, бабулечка, бабуся моя ненаглядная! – запричитал хитрюга паж. – Ты только сходи со мной в замок, помоги отсушить чужую присушку! А я тебя в обиду не дам! Вот увидишь Ты только скажи, от кого прячешься! И пусть он сразу гроб заказывает!

– Ну, скажу я тебе, что лучше бы мне на глаза не попадаться великому магу Маргарелону. А-а, молчишь? Поди сладь с магом Маргарелоном! Так что забирай-ка ты, внучек, свои штаны и отдавай мне платок, домой побегу. Ведь если он почует, что в моей ограде щелка завелась, – проскользнет, и будет мне тогда плохо.

– Значит, ты, бабушка, только на болоте в безопасности? – спросил паж, понемногу отступая с опушки через поляну к дороге.

– Только на болоте.

– И что же ты такого натворила?

– Ох, внучек... – ведьма громко вздохнула.

– Да, бабушка... – вздохнул и паж. – Мне бы теперь коня найти. Спасибо тебе, что хоть старалась помочь. Видно, ржим на роду неудачи написаны.

– Да уж, – ведьма поглядела на спутанную шевелюру пажа и хмыкнула, – от твоих волос огонь в очаге разводить можно, или, к примеру, пушечный фитиль запаливать. Неудивительно, что молодая графиня на смех тебя поднимает. Послушай, а не покрасить ли мне тебя? Могу прекрасный темно-русый цвет изготовить. И денег не возьму.

– Нет, бабка, так еще хуже будет, – подумав, решил паж. – Меня все крашеным прозовут и засмеют. За крашеного-то она уж точно не пойдет!

– Ну, как знаешь. Платок-то будешь возвращать?

– А коня?

– Свистни – прибежит.

Паж свистнул, бабка сделала пальцами загогулину в воздухе – и конь действительно выскочил из кустарника, встал с ними рядышком и негромко заржал.

– Отвернись, бабуля, – попросил паж, – а то мне одеваться неловко.

Ведьма отвернулась – и что же тут случилось, господа мои?

Пажик-то был не дурак!

Оделся он с той молниеносностью, которая всем вам наверняка известна – бывает в жизни, что выскакиваешь из теплой постельки, одну ногу – в штаны, другую – в башмак, а рукой хватаешь сразу камзол, пояс и шляпу, выпихиваясь притом в потайную дверь, да еще посылая на прощанье воздушный поцелуй... Да-а, дело молодое...

Оделся наш паж именно с такой умопомрачительной скоростью и бесшумно вскочил в седло. А далее? Подхватил он сзади бедняжку ведьму, перекинул ее поперек седла и дал жеребчику шпоры! Черный кот едва успел вцепиться ей в плечо, отчего ведьма взвыла. Но поздно было выть и брыкаться – уже несся конь к замку, уже показались стены, уже послышалась перекличка часовых.

В тени раскидистого дуба остановил паж коня и спустил на землю старуху.

– Ну, бабушка, выхода нет! – объявил он. – Пойдешь ты сейчас со мной в замок отсушивать молодую графиню!

– А если не пойду?

– Ну, тогда мне одна дорога – в петлю! – затянул молодой паж свою старую песню. – Потому что без молодой графини мне не жить! И ты, бабка, во всем будешь виновата!

– Опять я во всем виновата! – воскликнула ведьма. – Кто меня только не пугал! Вы дурью маетесь, а я – виновата! Ох, как вы мне все надоели!

– Бабка, бабулечка, миленькая! – взмолился паж. – Ну, ты же все на свете можешь! Никто другой меня не спасет, только ты! Ведь и ты когда-то была молодая... – неуверенно добавил он, потому что, глядя на ту грушу сушеную, в которую превратилось лицо ведьмы, действительно не верилось, что когда-то давно, сто лет назад, та груша была свежим личиком.

– Была, ну и что? – сердито отрубил старуха. – Я, между прочим, сама своими делами в молодые годы занималась и на помощь никого не звала.

– Бабка, а ты когда-нибудь любила?! – с отчаянием воскликнул паж. Вся его надежда была на то, что всколыхнется в ведьминой душе столетнее воспоминание и нахлынет на старушку чувствительность.

– Но услышал бедняга в ответ что-то вроде змеиного шипа и поостерегся повторять свой пылкий вопросец.

– Ну что же, – промолвил он. – Значит, бери моего коня, бабуля, и возвращайся домой. – А я... А мне... А меня...

Ведьма внимательно посмотрела на него и обвела обеими руками в воздухе контуры его фигуры.

– Веревка порвется! – обрадовала она пажу. – У ножика лезвие сломается. А яда сейчас ни у кого в замке нет. Вот разве что ты за ядом ко мне же и прибежишь... Будь здоров, внучек! Забегу как-нибудь, деньги верну. Конь через четверть часика прибежит.

Она ловко, как молодая, вскочила в седло, не уронив с плеча своего кота, ударила по конским бокам пятками и ускакала.

Паж остался посреди дороги, соображая, как быть дальше, и было ему, господа мои, совсем невесело. Вдруг он услышал стук копыт. А через минуту увидел и своего коня с бабкой в седле.

– Ну, спасибо тебе, внучек! – объявила бабка. – Накликал ты на меня беду! Пронюхал-таки Маргарелон, что вышла я за свою ограду! Теперь мне в избушку хода нет!

– Бабка, это же замечательно! – обрадовался паж. – Давай я тебя в замке спрячу! Там у нас такие тайники! Мы, пажи, все облазили, все знаем!

– А есть ли у вас, к примеру, комната с восемью углами? – заинтересовалась ведьма.

– Есть, в Северной башне, внизу!

– А рыбьих костей ты мне на кухне раздобудешь?

– Ой, бабуля, да хоть ведро!

– И мела кусок, и сосновые угли, и веревку крепкую с шестью узлами, – стала перечислять бабка, одновременно припоминая какое-то очередное колдовство.

– И веревку! И узлы! – с восторгом повторял паж.

– Тогда я, может, и сумею у вас отсидеться. Ну, давай, веди меня в замок.

– Знаешь, бабуля, лошадь мы пока здесь привяжем, а сами спустимся в ров и взберемся на стену, там у нас секретный лаз.

– В мои годы по рвам ползать да по стенкам лазить? – возмутилась ведьма. – Едем через мост.

– А стража? Меня-то ведь знают, тебя могут не впустить.

– Глаза отведу. Это дело обычное.

И знаете, господа мои, так она отвела страже глаза, что померещилась им за спиной у пажу котомка старая, в чем они потом и заверяли клятвенно старого графа, попробовавшего было разобраться, с чего вдруг ночью в замке чудеса творились.

Впуская невесть где прошлявшегося этак с полночи пажу, стража шутила на разные лады, предлагая ему то старый потник из-под седла для утирания соплей, то престарелую бабку замкового повара для усмирения юношеских страстей. И стражу понять можно – поторчи-ка всю ночь у ворот без развлечений...

Ну, въехали, стало быть, паж с ведьмой в замковый двор, привязали коня к коновязи, рассчитывая, что утром у конюхов хватит ума расседлать его и поставить в стойло, и прокрались... на кухню, господа мои! Но, понятно, не к поварской бабке. Просто пажу каждый день доводилось принимать блюда у поваров и подавать их на графской стол. Поэтому он прекрасно

знал дорогу от кухни до графских покоев со всеми ее закоулками и мог при желании так там спрятаться, что и с собаками не нашли бы.

Во он и вывел ведьму напрямиком в трапезную, а оттуда по витой лестнице – в галерею и в Южную башню, где помещалось почти все графское семейство.

А надо отдать графу должное – он так велел перестроить старый замок, что, пожалуй, только стены остались прежние, да еще трапезная – неохота была с таким необъятным сараем возиться. Покои госпожи графини и юных графинь были отделаны по последней моде, и не ткаными гобеленами, которые мастерили еще их прабабушки, а тисненой кожей, резными панелями дубовыми, и – хотите верьте, хотите нет – в спальнях стояли маленькие каминчики и не было сквозняков!

Разумеется, девиц охраняли. И у входа в комнату служанок, и у дверей опочивален сидели то старуха, заснувшая над вязаньем, то старик со ржавой алебардой, а то и стражник, которому из-за недавней раны подыскали дельце полегче.

Ведьму все это не смущало. Шла она, постоянно оборачиваясь и рассыпая за собой какую-то сушеную травку. Кот у нее на плече тоже сидел спокойно, тревоги не поднимал. А рыженький наш пажик уверенно вел ведьму туда, где почивала самая младшая из юных графинь.

И было это нелегко, потому что спальня у знатных девиц-то была большая, а вот ложе им поставили одно на троих, хотя и было это ложе с балдахином немногим поменьше графской часовни, где помещалось все благородное семейство. Сколько бархата, парчи, тесьмы да перьев пущено было на балдахин – и передать не умею. И вот вам еще один пример графской заботы о дочках – простыни у них каждую субботу меняли!

Но паж знал, с которой стороны ложится спать его красавица, потому что, вставая, сразу делала она два шага – и оказывалась у окна. А уж окно это паж, можно сказать, наизусть выучил, каждое утро его из замкового сада созерцая.

Если бы эту парочку поймали сейчас слуги – плохо пришлось бы нашему пажику. Сразу же стало бы ясно, что привел он старую ведьму для ворожбы, не иначе. Ведьме бы дали раза два по шее и выпроводили из замка – кому охота с нечистой силой связываться? А пажу бы досталось на орехи...

Но от своего отчаяния так осмелел бедный паж, что и не думал вовсе об этом. Чудом удалось ему заполучить бабку в замок, и он резонно полагал, что больше такого чуда ему не совершить. Поэтому отважно лез он во все закоулки спальни и шарил руками за стропилами, не боясь напороться на какую-нибудь дрянь вроде заржавевшей от крови иголки. Ведьма же, глядя, как он взбирается по подоконнику и даже по столбу балдахина, давала ему краткие и негромкие указания... И светила, конечно! Светец они позаимствовали на кухне господи мои. Ведьма – она хоть и ведьма, а от старости, возможно, стала хуже видеть впотьмах. А пажу этого и вовсе не полагается, он графский паж, дитя человеческое, а не лесной кот.

Сама бабка тоже времени зря не теряла. Спустила она на пол кота и следила, как ходит эта зверюга на полусогнутых лапах, приносиваясь и хвостом след заметая. Также ощупала за это время ведьма стульчик молодой графини, туфельки ее утренние, платьице, брошенное на коврик, и испод коврика. Обнаружила она там некую подозрительную пыль, которую долго нюхала, позвала кота, дала и ему понюхать, после чего крепко задумалась.

– Истолченные лягушечьи кости? – бормотала ведьма озадаченно. – Или жабы? Не понять... А цвет, как у сушеного мухомора... Нет, все-таки жабы! Кто бы мог додуматься?... Как вы мне все надоели...

При этом теребила она край платьица и нашарила-таки зашитый в подол шнурок.

– Эй, внучек! – окликнула ведьма пажа. – Кинь ножичек!

– Берегись! – откликнулся из-под потолка паж, запуская свой кинжальчик так, что вонзился он в пол аккурат возле ведьминых ножек, обутых в ладные сапожки.

Там, под потолком, висела, понимаете ли, новомодная деревянная люстра с севера. Ее опускали на веревке, зажигали свечи и опять подтягивали наверх. Вот паж и сообразил, что к люстре можно тоже заговоренную травку привязать. Но, господа мои, граф для дочек ничего не жалел, и люстра эта вполне годилась бы для тронного зала у кого-нибудь из западных королей, чьи дворцы ненамного больше конюшен у наших славных графов. А, значит, была она побольше колеса от боевой повозки, запрягаемой быками, и весила тоже не менее быка, и веревка, на которой ее тягали вверх-вниз, была с пажескую руку толщиной. Так что спустить это чудище самостоятельно наш пажик никак не мог, вот и пришлось ему карабкаться по веревке.

Пока ведьма вспарывала подол, паж тоже отыскал кое-что интересное. Это оказались сухие веточки, прилепленные воском так, что снизу и не заметишь – ну, потекло со свечи и потекло...

Одновременно они окликнули друг друга и шепотом похвастались добычей.

– Тысячелистник, – едва взглянув вверх, определила ведьма. – А у меня, гляди-ка, волосы. Ну, внучек, вспоминай, у кого в замке длинные черные космы вроде конской гривы?

Паж, сидя на одном из толстенных рогов люстры, задумался. Ведьма же подошла к постели и подула на каждую из юных графинь.

– Хорошо спят, – сообщила она. – Ну, думай, думай, времени-то маловато...

И тут непонятно откуда раздалось пение дудочки, тоненький такой голосок.

Паж подумал, что это замкового свинопаса подняло ни свет ни заря и он выводит свое стадо из хлева. Но поглядел он на старуху с котом – и стало ему жутковато. Потому что, господа мои, кот сделал горб и зашипел, так и целясь выскочить в окошко, а старуха зашипела не хуже того кота и тоже подобралась, как перед прыжком.

– Ох, дура, ох, дура! – запричитала ведьма. – Не не лягушечьи то были кости и не мухомор сушеный!

А что это такое было – так и не сказала, потому что общее для всех юных графинь одеяло зашевелилось и все три девицы, не открывая глаз, сели. Высунулись из-под одеяла три босые ножки и нащупали наугад туфельки. Потом появились еще три ножки, и тоже каждая нашла свою туфельку. А потом встали красавицы во весь рост и гуськом пошли к огромному заморскому зеркалу.

Зеркало это, господа мои, не стоило тех денег, что отдал за него граф. Только-только научились мастера выдувать и раскатывать такие большие стекла. И получались зеркала – одно другого страшнее. Поглядишь в этакое зеркало – то у тебя пузо перекосит, то рожа огурцом, а видывал я одно – откуда смотрел на меня мерзавец с двумя носами, ухмыляясь при этом кривым, длинным как дождевой червяк, ртом. Так что для молодых красавиц полезнее было бы три маленьких зеркала, чем одно такое, с причудами.

Положила старшая из девиц свою белую ручку на львиную морду полированную, что над левым верхним углом зеркала, и поехало оно в сторону, а за ним провал раскрылся, глубокий и черный. Но, как видно, вела в тот провал лестница, и по ней, не открывая глаз, стали спускаться графские дочки.

Бедный пажик чуть с люстры не скovyрнулся.

Задвинулось зеркало.

– Ну, – говорит ведьма, удерживая своего свирепого кота, – не повезло тебе, внучек. Дочки-то у графа зачарованные. Знаешь, куда их дудочка позвала? Они теперь до утра плясать будут. И так – каждую ночь подряд. Ждут их в подземелье три рыцаря, а может, и не рыцари это, а вовсе даже графские оруженосцы, или даже пажи, вроде тебя. И будут они с девицами плясать под дудочку, пока не устанут. А тогда они дадут девицам выпить из каменного кубка волшебного питья... и, право, не знаю, как тебе и сказать... Такое оно, это питье, интересное, что много о чем забывает, проснувшись поутру, девица... Да... Нашли мы с тобой, внучек, то,

чем девиц очаровали. А как теперь быть – не знаю... Ну, сожжем мы волосы, зашитые в подол, и знаки над огнем сделаем – заболит тот, чьи это были волосы, и только. Ну, выметем пыль из-под коврика, разведем по двору – тоже ничего не изменим. И тысячелистник с люстры снимем – люстра чище станет разве что... Главное-то уже сделано – слушаются девицы дудочки. А дудочку ту найти непросто...

– Найдем дудочку! – бодро заявляет паж, качаясь на люстре. – Пойдем сейчас за ними следом, поглядим, с кем это они там отплясывают, и отнимем дудочку!

– Ох, ничего у тебя, внучек, не получится, – отвечает ему ведьма. – Мы с котом с места не тронемся. Откуда я знаю, кто графских дочек очаровал, кто дудочку изготовил? Может, все эти проказы с дочками и с дудочкой – ловушка, которую для меня Маргарелон расставил? Не-е, не пойду! И веди-ка ты меня лучше в комнату с восемью углами, как обещал. Устала, отдохнуть хочу. И коту покой нужен.

Висит пажик на люстре, не прыгает, раскачивается. Потому что выбрать надо, куда прыгнуть, чтобы не сшибить ни столика с рукоделиями, ни кресла, ни столба от балдахина.

– Эх, бабка! – вися вот этак, горестно говорит паж. – Не знаешь ты, бабуля, что такое любовь!

– Откуда мне, старой? – хмыкает бабка. – В наши времена ничего такого и в помине не было.

– И не понять тебе, бабка, – продолжает паж, прицеливаясь ногами, – как может страдать человек, мужчина, рыцарь, если он любит, а его не любят!

– Не понять, – соглашается ведьма, наблюдая. А было-таки на что посмотреть, когда паж, соскакивая с люстры, опрокинул столик и шлепнулся посреди мотков шерсти и шелка с торчащими из них иглами!

– Ой! Все равно я молодую графиню люблю, с кем бы она там ни отплясывала! – восклицает паж, вытаскивая из-под себя здоровенные ножницы, которыми старая графиня кроила холсты на рубашки служанкам. – Она же сама не знает, что отплясывает! Она же не виновата ни в чем! Ведь она утром просыпается – и ничего не помнит!

– А ты откуда знаешь? – интересуется бабка.

– Знаю! – гордо говорит паж и встает на ноги. – Бабуль, а бабуль! Давай пойдем за ними! Ты же знаменитая колдунья! У тебя такие заговоры, что ты с этими плясунами разом справишься!

– Может, и справлюсь, – отвечает старая ведьма. – Только главное – дудочку заполучить, а тут без шума не обойдешься... Погоди встретить, я не про обычный шум говорю! Понимаешь, внучек мой драгоценный, когда я колдую, ну, заговор читаю или знаки над огнем делаю, от меня вроде как свет исходит, только глазами его не видно, и вроде как звон идет, но его ушами не слышно. Любая другая колдунья этот звон уловит и скажет, где я нахожусь, а злодей Маргарелон – еще и чем именно я занимаюсь! Вот что плохо. Опомниться не успеем, как он налетит!

– Погоди, бабка! – вспомнил паж. – Ты же девиц усыпляла! И страже глаза отводила! Разве тогда от тебя свет со звоном шли? Врешь ты чего-то, бабуля!

– Стара я, чтобы соплякам врать! – с достоинством отвечает ведьма. – А ни света, ни звона и быть не могло, это же не колдовство никакое. Глаза отвести или человека усыпить и ты, внучек, сможешь – этому я и совсем бестолкового берусь за неделю научить. А вот с тем колдуном сразиться, что графских дочек очаровал, – это ж на всю округу шум поднимется! Не-е, не хочу.

– Бабуля! – решительно сказал паж, раскрывая ножницы. – Ножик мой ты забрала, но я и без него дорогу на тот свет отыщу! Без молодой графини мне все равно не жить! Так что – прощай, бабуля, не поминай лихом, а Эдельгарту, братику моему, скажи, что все мои плащи, и вышитые перчатки, и кошельки, и пояса, и перья для берета я ему оставляю.

И тут замахнулся паж разведенными ножницами, целя острый конец себе в горло.

Ведьма вытянула обе руки вперед, сделала ими в воздухе хитрую выкрутасу, замерла – и в недоумении распахнула глаза и разинула рот, потому что ровно ничего не случилось. Паж зажмурился, подумал и со всей силы ткнул себя ножницами в грудь, туда, где сердце.

Так бы и шлепнуться ему на пол, обливаясь кровью, но бабкин кот прыгнул и повис на руке. Ножницы скользнули по камзолу, а пажик с воплем ухватил левой рукой кота за шиворот и стал его отцеплять.

– Пролил ты таки кровь в девичьей опочивальне, – заметила ведьма, глядя, как капает с ободранной кошачьими когтями руки. – Это добрый знак. А ведь ты меня, внучек, чуть не перехитрил, гром тебя разрази! Мой знак лишает силы мечи, шпаги, кинжалы, алебарды, протазаны, ножи и стилеты, но он не имеет никакого отношения к ножницам... погоди! Ну, так и есть! Маргарелон замковые ворота заклятьем закрыл! Мне теперь через них не выбраться! Сообразил-таки, злодей, куда я спряталась... Поймал мой звон от знака! Ну, хорошо хоть, и я его услышала, когда он ворота замыкал.

– Мы, бабуль, подземным ходом выберемся! Про него твой Маргарелон ничего не знает! – обнадежил паж. – Только давай сбегает за молодой графиней в подземелье, а? Ну, пойдем, бабуль, а то плохо будет! Я уж найду, чем на себя руки наложить!

– Как хорошо жилось мне в избушке! – вздохнула старуха. – Березовые ворота наладила, огородик развела... Нет, мало мне было, что детишек лечила! Колдовством блеснуть захотела! Знала же я, что эти присушки да отсушки до добра не доведут! Так нет же, на подвиги старую дуру потянуло! А все из-за вас, молодых лоботрясов... как вы мне все надоели!

Паж подскочил к зеркалу, коснулся львиной рожи, и провал распахнулся. Шагнул в него пажик и руку ведьме протянул:

– Бабушка, прошу!

Ведьма сделала коту знак, и он прыгнул ей на плечо.

– Выбирать не приходится – пошли, внучек. Может, я впрямь подземельем из замка выберусь. А тогда уж...

– Я тебе, бабуля, самого быстрого коня приведу! – пообещал паж. – Есть у графа один скакун...

– Я сама себя скакуном обеспечу.

Брели они по высоким и неровным ступенькам, удивляясь, как графские дочери не свернут себе шею, разгуливая тут с закрытыми глазами, и выбрали к запертой двери.

Паж подергал ручку и повернулся к ведьме:

– Засов изнутри заложили...

– А-а, семь бед – один ответ! – и ведьма взмахнула руками. С той стороны вылетел из петель и грохнулся на пол засов. Дверь распахнулась.

Паж перепрыгнул через высокий порог и оказался он, господа мои, вроде как двести лет назад... Подземелье-то было убрано, как при наших предках, но те гобелены, что у нас в замках истлели давно, тут висели как новенькие, и давняя посуда стояла на столе без единой трещины, а посреди, под низкими крестовыми сводами, кружились в танце с двумя рыцарями две старшие сестры. Младшая же танцевала одна, опустив руки, а на дудочке наигрывал безобразный карлик с двумя горбами, одним – спереди, другим – сзади. Длинные черные космы почти закрывали его отвратительную физиономию.

Увидев ведьму, карлик поспешно сунул дудочку за пазуху, причем обе пары беспомощно остановились, а младшая девица в изнеможении опустила на пол.

– Ах, это ты, Тиберия! – скрежетнул зубами карлик. – Давно не встречались, красавица! Ох, и до чего же ты собой хороша! Да, годы никого не красят!

– Вот уж не думала, что это ты, Озарук! – усмехнулась бабка, спуская наземь кота. – И не уgomонился ведь! Совсем уж трухлявый стал, а ему все молодых девиц подавай! Ишь,

старая кочерыжка! Хорошо хоть тебе эти два бездельника заплатили за право под твою дудочку поплясать? В твои-то года мотаться по болотам в полнолуние, лягушек ловить, за гадюками охотиться! Прострела в спинке не схлопотал? А то скажи – вылечу!

– Уходи, уходи, дорога петлей, след под землей... – забормотал карлик, – уходи, старая!...

– А возьми-ка ты, внучек, то, что вынула я из подола, да подожди-ка факелом! – велела ведьма. – И пока урод этот корчиться будет, мужества наберись да дудочку у него из-за пазухи выдерни! Дастся тебе дудочка в руки – твое счастье, расколдуем тогда графских дочек!

– Ты прелесть, бабушка! – воскликнул паж и с тем звонко чмокнул старуху прямо в ухо. Тут же выхватил он вороную прядь, увернулся от неожиданно длинной и когтистой руки Озарука и сунул прядь в огонь. Волосы затрещали.

С диким воплем повалился карлик наземь, сдирая с себя жуткую свою одежку. А еще, господа мои, весь замок повскакивал с постелей от того вопля! И первым делом кинулась старая графиня в спальню к дочкам – не случилось ли с ними беды! Но в спальне было пусто, и, вскрикнув погромче зловредного карлика, рухнула госпожа на пол.

Понеслись по темным коридорам не одетые слуги, зарычал, как лев в зверинце, сам старый граф, затрубили тревогу. А в подземелье тем временем корчился и брыкался на полу карлик.

Паж прыгал так и сяк, пытаясь сунуть руку ему за пазуху, но уродец отпихивал его, щелкал зубами и плевался. Две графские дочки с кавалерами стояли, как вкопанные, хотя по лицам девиц видно было – слышали они некий шум и силятся проснуться. А младшая открыла огромные голубые глаза, ахнула и принялась оттаскивать пажа от карлика.

Тут уж ведьма возмутилась!

– Опомнись, девка! – воскликнула она. – Погляди на него глазами! Прикоснись к нему руками!

И выплеснула с криком в одурманенное лицо девицы вино из кубка, стоявшего на столе.

Пока ошалевшая девица утиралась, сплела старуха из пальцев нечто хитромудрое и потрясла сцепленными руками у себя над головой с невнятным бормотанием. И раскрылись глаза у девиц с кавалерами, и вскрикнули все четверо, и бросились наутек.

Освобождая от заклятья графских дочек, не заметила старая ведьма, как кончились судороги гнусного карлика – ведь сторела уже до конца прядь волос в пламени факела. И сделал карлик длинными костлявыми пальцами знак – и отлетел от него паж, вмазавшись спиной в каменную стенку. А уродец вскочил и схватил за руку молодую графиню.

– Моя! – крикнул он ведьме. – Под мою дудку плясать будет! Не тебе ее у меня отнимать! Я своей кровью кубок вымазал, ее напоил! Она руками и губами моей крови коснулась! Дудочка запоет – кровь на руках и губах встрепенется! Против этого все заклятия – чушь!

– Не пуцу! – яростно воскликнула ведьма. – Знаю я, до чего она с тобой затанцуется! Видела в магическом зеркале твой секретный сундук! Он и без того окровавленных дудочек полон! Не выйдет!

– Ах, магическое зеркало?! – издевательски спросил карлик. – Ах Премудрое Светлое воинство? Нет у тебя больше магических зеркал, Тиберия, и воинство магов тебя тоже не спасет! Потому что ты теперь – сама по себе, а оно – само по себе!

– Я и без воинства с тобой, замухрышкой, слажу!

И, не говоря более ни слова, старуха отвесила замухрышке такую пощечину, что полетел он на пол с молодой графиней вместе.

Но, выпустив из рук красавицу, вскочил карлик на четвереньки, окрысился, зарычал, и изо рта у него четыре клыка полезли, два – вверх, два – вниз. Вытянулась при этом его мерзкая физиономия и стянулась в кабанье рыло, а черная волосня на голове оцетинилась стальными с синим отливом колючками и тоже изготовилась к бою.

Дернулся бедняга паж, чтобы поспешить на помощь бабке Тиберии, да уж больно крепко вцепился он в стенку – еле смог шевельнуться. А стальная щетина проросла сквозь драную одежку карлика на загривке и вдоль хребта, торча вверх и в стороны на фут, а то и больше.

Глядя на это безобразие, рассмеялась бешеным хохотом старая ведьма и, сунув пальцы в рот, свистнула так, что в замке из настенных колец факелы повыскакивали, отчего чуть не занялся пожар. А еще от этого свиста встала дыбом шерсть на черном коте, и стал он расти, расти... и рос, господа мои, быстрее, чем пламя над сухими дровами, пока не стал со льва величиной. Лапы же у него оказались и вовсе огромные, с такими когтями, что по длине и крепости стоят любого ножа.

Кот с места прыгнул и завалил на бок уродца, норовя вцепиться ему в горло. Девушка пробовала было за шиворот оттянуть кота, да наколола о взъерошенную шкуру нежные пальчики. А тут еще ухитрился отлипнуть от стенки рыженький наш пажик и схватил свою красавицу в охапку.

– Бросай девчонку, дудочку ищи! – приказала ведьма.

Но паж обалдел от блаженства.

Придушив карлика, кот повернулся к хозяйке, словно спрашивая – ну, что дальше с добычей делать?

– Внучек, радость моя, если ты дудочку не возьмешь, то я сама ее возьму, – предупредила ведьма. – Только полюбит тогда графская дочка, ты уж не обижайся, меня. И будет ходить за мной, как привязанная. Так что давай, подходи!

– Ага, – ответил паж, но девушку из объятий не выпустил.

– Горе ты мое, – сказала ему ведьма.

Тем временем полупридушенный карлик очухался. Видя, что и кот, и ведьма укоризненно взирают на пажа, он вдруг вывернулся из-под лапы и словно растаял в воздухе. Все услышали только щелчок его сухих пальцев да хвост невразумительного заклинания.

– Ах, гром тебя разрази! – воскликнула ведьма. – Дождались! Доигрались!

И она стгоряча дала еще одну оплеуху – пажу. Бедняга отлетел от красавицы и сел на пол.

– Чую! Звон слышу! – с этим воплем разъяренная ведьма кинулась в погоню.

Очевидно, где-то в глубине подземелья карлик затевал очередную магическую пакость.

Кот понесся следом за хозяйкой, делаясь с каждым скачком все меньше и меньше, пока наконец, уже в прежнем своем виде, не прыгнул бабке на плечо.

Паж вскочил на ноги. Оплеуха явно пошла ему на пользу. Вооружившись факелом, он побежал за старухой. И обнаружил ее перед запертой дверью. Причем дверь была, как и все в замке, основательная – из дубовых досок в руку толщиной, по углам окованная железом.

– Ускользнул, будь он неладен! – пожаловалась ведьма. – И дверь не отпирается! Он такой запор наложил что тройная магическая отмычка нужна! Ну, я сделаю, ты сделаешь, а котика-то не может! Не обучен! А все из-за тебя, растяпы!

– Какой знак? Какая отмычка? – искренне удивился паж. – Опять ты, бабка, все усложняешь. Сунем ключ в скважину и откроем!

– Откуда у тебя ключ? – изумилась старуха.

– Да у нас в графском замке всего шесть таких заморских замочков, и все одинаковые. Так что мой ключик от графской гардеробной сюда без всяких заклинаний подойдет.

Паж извлек ключ и, к величайшему конфузу ведьмы, быстренько открыл замок.

– Стой, – сказала старуха, – к бою нужно подготовиться. Я первой врываюсь и знак Гиммель-Далед делаю, котика слева заходит, а ты с факелом сзади держись, чтобы, когда я в сторону отступлю, выпад им сделать. Понял? Ну, вперед!

Но, когда, рванув на себя дверь, влетела готовая к атаке команда в графский винный погреб, то увидела там такое, что бедная старуха попятилась, а паж выронил свой факел.

Среди бочек валялся в беспамятстве карлик, а рядом стоял некто высокий и статный, длиннокудрый и в серебряном плаще, в диадеме с камнями, испускающей мягкий свет, и с тоненьким ореховым прутиком в руке.

– Здравствуй, Тиберия! – сказал, улыбаясь, этот красавец. – Не правда ли, я появился вовремя? Здравствуй и ты, мальчик. Пока на бабушку столбняк нашел, забери-ка ты у Озарука волшебную дудочку. Здравствуй и ты, Нарриан. Давненько не встречались! И не узнать тебя. Постыдилась бы, Тиберия! Совсем зверя баловством своим погубила. А какой боевой зверь был! И на себя погляди...

Ведьма сопела и молчала.

– Это Маргарелон? – догадался паж.

Она кивнула.

Кот Нарриан соскочил с ее плеча, подошел к магу, потерялся о его ногу и виновато мурлыкнул.

– Ладно, ладно, – сказал ему маг. – Все понимаю. Конечно, сидеть на плече и песенки петь удобнее, кто спорит... Но совесть тоже иметь надо. Ты не для этого на свет родился.

На сей раз кот рос куда медленнее, чем перед побоищем. Но все же достиг тигриной величины, и именно тигриному облику его странноватые для кота пропорции вполне соответствовали – а, значит, и был он изначально кудлатым гигантом.

– Мальчик, возьми дудочку, – напомнил пажу Маргарелон. – Я бы сам ее взял, да мне графская дочка ни к чему. Да и ты, похоже, хлебнешь с ней горюшка... Ну, Тиберия, не удалось тебе отсидеться за Березовыми воротами?

– Как вы мне все надоели! – ответила ведьма.

– Увиливаешь! Я же знаю, почему ты в избушку забила и в чудище обратилась.

– Мне и так ладно, – огрызнулась старуха.

– И сколько же лет ты на болоте мокнешь, бездельничаешь да мхом обрастаешь? – съехидничал маг. – Ты хоть календарь-то дома держишь?

– А зачем?

– Знал я, что с тобой дело плохо, но не думал, что настолько, – серьезно заметил маг. – Ладно, покажу я тебе свой календарь. Гляди.

В руке у мага появилось небольшое зеркальце. Он поднес эту штучковину прямо к крючковатому и волосатому носу ведьмы. Паж естественно, тоже не утерпел, сунулся поглядеть.

Увидел он там, господа мои, уголок спальни некоего властительного барона. Утренний свет уже пробился в задвинутое ставнями высокое окно. Поскреб Маргарелон ногтем по зеркальцу там, где погасшая свеча в подсвечнике стояла на ночном столике, и вспыхнула свеча, чтобы удобнее было разглядеть сопящего под меховым одеялом толстяка. Пузо его возвышалось, как пригодный для постройки сторожевых укреплений холм.

– Ну-ка, просыпайся, голубчик, завтракать пора! – с такими словами Маргарелон пощекотал толстяка. Тот взъерошенно высунулся из-под одеяла. Рядом спала не менее увесистая супруга барона, и паж явственно услышал ее негромкий храп.

– Хорош? – спросил Маргарелон про толстяка. – Шестьдесят восемь годков, а какая статья! Ну, давай, просыпайся, дружок, завтракать пора...

– Что это за образина? – недоуменно спросила ведьма.

– Все еще не признаешь?

Шестидесятивосьмилетний красавчик тем временем осознал, что проснулся. На столике возле подсвечника лежала железная рыцарская рукавица. Он нашарил ее и грохнул ею о стол.

– Эй, кто там, за дверью, из бездельников?! Повара сюда!

Немедленно вбежали крошечный паж и здоровенный повар.

Паж подхватил откуда-то необъятные малиновые штаны и распялил их в руках, упав при сем на колени в ожидании баронских ножек. Повар вытянулся в струнку.

– Завтрак поспел, ваша милость! – браво доложил он. – Все, что было угодно с вечера заказать вашей милости, кроме паштета из кроликов. Кроликов плохих из деревни прислали, не из чего было выбирать.

Толстяк задумался.

– Что на замену? – спросил он. – Надеюсь, у тебя хватило ума приготовить что-то на замену?

– Рыбное блюдо, – на всякий случай отступив, сообщил повар. – Рыба разных пород, томленая в собственном соку...

Одеяло заколыхалось и вынырнула физиономия баронессы.

– Шестьдесят два года и триста двадцать шесть фунтов живого веса, – представил ее пажу Маргарелон. – Женщина в расцвете красоты и творческих способностей, мой мальчик. Превосходно выучилась мариновать огурцы. Сорок четыре года назад за нее на турнирах копыя ломали... Возьмешь ты дудку, негодник, или мне брать?!

Паж настолько был увлечен картинками в зеркале, что, не глядя на карлика, опустился возле него на корточки и вытащил из-за пазухи корявую дудку. Все же он на несколько мгновений оторвался от зеркала, а когда опять выпрямился, барон с баронессой увлеченно обсуждали будущий обед.

Тем временем внесли подносы с первой переменной завтрака.

Барон влез в штаны, заправил в них ночную рубаху и уселся к столу. Ел он весьма живописно – горы костей в художественном беспорядке окружили тарелку, отрывки летели под стол – двум охотничьим псам. И непонятно было, кто там громче чавкает – псы или его милость.

Тем временем служанки завернули баронессу в капот, и она уселась напротив супруга, нацелившись на жареную индюшку.

– Ну и зачем ты мне столько времени показываешь этих обжор, Маргарелон? – брюзгливо осведомилась ведьма. – Хотя действительно пора завтракать, но они мне весь аппетит отбили!

Маг повернул зеркальце, чтобы она увидела портрет на стене опочивальни. Видно, на этот портрет он возлагал особые надежды – укрупнил изображение. И увидели паж с ведьмой изумительной красоты юного рыцаря, с бледно-золотыми кудрями, с тонкими чертами лица, с нежным румянцем – словом, подлинный соблазн для девиц и дам.

– Как попал сюда этот портрет?! – прямо взвилась Тиберия.

– Да он уж лет сорок там висит, – с подозрительным простодушием отвечал маг.

В зеркале опять появился неопрятный чавкающий толстяк. Он так измазался в жире, что даже лысина – и та засверкала в солнечных лучах.

Маргарелон повернул зеркальце – оттуда томно поглядел рыцарь. Повернул – отбросил обглоданную кость толстяк.

– Бр-р! Да этого же быть не может! – воскликнула ведьма и выхватила у мага зеркальце.

Поскольку она, вглядываясь, утратила всякую бдительность, Маргарелон обвел ореховым прутиком ее голову, невесомо коснулся волос, шеи, плеч.

Тут, господа мои, паж онемел. Как если бы на грязный борт повозки водой плеснули и грязь потекла вниз, открывая светлый и тисненый кожаный полог, – так поползла с лица чернота, так зазмеились вниз и бесследно пропали морщины. Нос съезжился и усох. Несколько бородавок отвалились и со стуком упали на пол. А когда пробился на щеках румянец – ох, тяжело пришлось бедняге пажу, потому что стояла перед ним, уставившись в зеркало, сказочная красавица, и только стриженная ее голова напоминала о старой ведьме с седыми космами. Седина исчезла и космы преобразились в короткие кудряшки, но все же для полного блеска этой даме недоставало длинных волос, и вы не можете тут со мной не согласиться.

– С ума сойти! – прошептала ведьма.

– Сорок четыре года, – ответил ей маг.

– Да-а...

– Ты и не заметила, как они пробежали.

– Не заметила...

– Сорок четыре раза собиралось Премудрое Светлое воинство на Большой совет магов, я уж не говорю о малых, и твое место пустовало. Не стыдно?

Ведьма промолчала.

– Конечно, травки собирать и молокососам талисманы мастерить – несравнимо приятнее, чем выполнять свой долг в Светлом воинстве. Для того тебе сила дана? Для того тебя столько лет чародейству учили, чтобы ты засела на поганом болоте, как сыч в дупле?

Ведьма вздохнула.

– Хорошо еще, у этого мальчика хватило нахальства выманить тебя с болота!

Ведьма горестно взялась за голову.

– И сама ты обленилась, Тиберия, и зверь твой с тобой вместе. Совсем звериный облик утратил, бедняга! Вот, учись, мальчик, что делает с волшебницами несчастная любовь!

Но паж и без этих поучительных слов уже догадался, в чем дело.

– Ну и что же? – возразил он. – У меня тоже несчастная была! А вот она и помогла мне! И все теперь будет в порядке! Вас там целое воинство, неужели вы все вместе не могли к ней этого, лысого, присушить? Вы же все – маги!

– Перестань! – одернула его Тиберия. – На что он мне нужен, присушенный! Я хотела по-честному, по-настоящему...

– Сорок четыре года! – потрясая руками, повторил маг. – Да разве ты с самого начала не понимала, что он выберет наследницу хоть плохонького, да рыцарского замка, с родней при королевском дворе, которая будет исправно хозяйничать и детей рожать? А не красавицу плясунью без роду-племени, при взгляде на которую все мужчины шалеют? Он же все-таки соображает немного! Сколько бы ты ни плясала и ни пела, он все равно побегал бы за тобой, побегал, а выбрал ту, что с родней и огурцы солить умеет...

– Неправда! – воскликнул паж. – Она же такая красавица! Наверно, он ее просто по-настоящему не разглядел!

И, возмещая промах лысого толстяка, сам с восхищением уставился на ведьму.

– Перестань, внучек, что я за красавица... – проворчала Тиберия, еще не чувствуя проишедшей с ней перемены. – Возможно, Маргарелон прав и зря я столько лет просидела на болоте. Но мне было так обидно, так обидно!...

– Хороший у тебя защитник, – похвалил пажа маг. – Надо бы его наградить за то, что помог вызволить тебя с болота. Ну-ка, подойди, мальчик...

Ладонь мага легла на голову пажа, соскользнула до плеч и словно собрала в горсть всю рыжину его шевелюры. Теперь это были просто русые кудри очень приятного для глаз оттенка.

– Рыжих графские дочки не любят! – усмехнулся маг. – Но теперь все в замке забыли, что ты был когда-то рыжим, и она будет твоей наверняка. Да спрячь ты в карман эту дудку.

Тут лежащий на полу карлик приподнял голову и с такой ненавистью уставился на пажа и мага, что стало бы им от взгляда не по себе – если бы только они сами посмотрели на уродца.

– В полночь расщепи ее, смажь бараньим салом сожги на огне свечи, пепел разведи в вине и полей деревья в замковом саду, – поучал маг.

– А вино любое? – спросил паж.

– Чем старше, тем лучше.

Тоскливым взором проводил Озарук свою заветную дудку, сложил костлявые пальцы зловредным знаком, подул, побурчал – и начал всасываться в корявую щель каменного пола.

Но магу было не до него. Изловчившись, он простер руку над головой Тиберии и разжал ладонь.

В который раз за эту бурную ночь паж онемел.

Представьте себе, господа мои, что волосы ведьмы зазолотились и налились медным блеском. Но это еще что! Они вдруг стали расти, расти, и не прошло минуты – доросли до плеч.

– А это еще что такое?! – возмутилась Тиберия.

– А это – на память! – усмехнулся маг. – Чтобы болото не забывала! Вырастать будут на локоть в сутки. Успевай только подстригать!

Да-а... Хороша она была в этом огненном облаке...

Покажите-ка свою находку. Ну точно, она. Если невероятной красоты женщина скачет рано утром на черном косматом звере, останавливает его на обрыве, хохочет, отхватывает кинжалом два локтя волос и пускает их летать над рекой, – то это Тиберия. Ни у кого на свете больше нет таких огненных волос.

Так что давайте их отпустим с башни по ветру. Может, зацепятся за гребень шлема какого-нибудь молодого рыцаря, чтобы он отправился на поиски Тиберии со всеми соответствующими опасностями, приключениями и объяснениями. Нам-то вроде это и не по годам, а?

Я только один волосок себе оставлю. Намотаю на палец и спрячу это колечко подальше, чтобы жена не нашла. Моя-то, как и ваши, полагаю, не Бог весть какой ангел, а тут еще такой повод! Сразу всех своих благородных предков вспомнит и приданое по пальцам перечислит! Ну, и моим предкам достанется...

Как звали пажа? Хм... как пажа звали... Какое это, господа мои, теперь имеет значение? Паж сделал глупость, паж слишком поздно понял, чего ему в этой жизни надо, а чего не надо, и теперь его имя уже никакого значения не имеет. Так-то.

Королевская кровь

Гляди, гляди, как шпарит! Совсем ума лишился – без седла, без стремян, да по капустным грядкам! Ишь! Хорошо плетень одолел. Молодец парень.

Сюда, сюда! Нет, вы только посмотрите – босиком, а при шпаге... И очень мне хочется знать, где он такого видного коня увел. Эй, придержи коня, парень! Мы тут все свои, нас копытами топтать незачем. Ну, показывай, что там вышито у тебя на перевязи, что там золотом отливает... Да говорят же тебе, свои мы!

Ну, что же, понимаю. Трудно так сразу поверить. И ты вот даже повод через конскую шею не перекинул, рукой за холку держишься, чуть что – на коня, и поминай как звали!... Я сам бы тоже, может, не поверил и послал к лешему, кабы не видел своими глазами, как эта заварушка начиналась.

Ага, увидел... Ну, смотри, смотри!... Вот это она и есть – орифламма! Гляди, как по ветру плывет... Ты ведь для того и прискакал сюда – встать под святую орифламму. Стало быть, одним бойцом у нас больше.

Близнецы, возьмите у него коня. Дениза, кинь на стол еще одну миску! А сапоги... Как же быть с сапогами? Никто не знает, где раздобыть этому красавцу сапоги?

Граф оф Дундаг, запишите, пожалуйста: пункт четвертый – создать обоз. Как положено – с телегами, ложками-плошками... одеялами... и с сапогами! А то что это за отряд? Вот уж по части сапог у нас будет полное равноправие... да чего вы хохочете, черти?... Не хотите сапожного равноправия?

Ты ешь, парень, ешь. А положишь ложку – тогда и скажешь, кто таков. Что свой – я и так вижу. Пока лошадей выводят и седлают, пока гнедого перековывают, пока перекидные сумки собирают, и я пожалуй, кое-что успею тебе рассказать. И вот еще ребятишки послушают. Да свои они! Погляди, что у того, длинного, на эфесе ножа выбито. Узнал? Можешь мою историю пивом запить – вон там, под навесом, бочонок на табурете. Пока я рассказывать буду – может, еще кто подоспеет. Думаешь, ты один этот зов услышал?

Пока у нас есть немножко времени на такие разговоры. Так что начинаю.

Вообразите вы себе для начала вечер, обычный вечер, и северные городские ворота Кульдига, и как к ним два всадника подъезжают. Один постарше, и конь под ним тоже постарше. Слуга, значит. Другой помоложе, при шпаге, с соколиными перьями на треуголке, а по плащу золотой кант. И хитро этак говорит тот, что постарше:

– Ну, вот и прибыли, господин граф. С благополучным вас прибытием!

– Очень даже удивительно, – отвечает насмешник граф. – Нам, помнишь, как выезжали, чего только не наобещали! И оборотней, и вурдалаков, и обманное озеро. А, смотри ты, приехали и живы!

Подталкивает граф коня легонько и въезжает прямо в ворота. Стражники смотрят косо, но время еще не позднее, опять же – на злоумышленников эта парочка не похожа. И граф тоже покосился – на пустое место над воротами, между двух амбразур, где положено быть гербу. Старый уже давно сбили, а новый, видно, все не соберутся прилепить.

– Где ночевать будем? – безнадежно спрашивает слуга.

– Как и собирались, у господина думского лекаря, – сурово отрубает юный граф. Дело в том, что слуге-то хочется в таверну, там попроще и повеселее. Может, даже и повкуснее. А молодому графу хочется наоборот – сидеть и о всяких заумных вещах с лекарем толковать. Об эликсирах, металлах, солях, амулетах, и чтобы всяких слов непонятных побольше. Для этого он сюда и приехал.

Ну, господское слово – закон. Тем более – в дальних северных графствах. Вот и проехали оба путешественника мимо таверны.

Надо отдать должное Равноправной Думе – содержала она своего лекаря неплохо. Дом в два этажа на главной площади столичного города Кульдига, за домом садик, лошади, когда понадобятся, из думской конюшни, да и своя одна есть. Ну, и лекарь с виду – прямо вельможа, большой, осанистый, борода надвое расчесана, домашняя мантия бархатная, туфли домашние бархатные со стальными пряжками, золотая цепь на шее, на цепи золотая же загогулина с потаенным смыслом – фу-ты, ну-ты! К такому лекарю подойти – от страха заболеешь, а не то что про свои хворобы лепетать. Нос внушительный, в том смысле, что почтение внушает, взгляд прямо орлиный, чуть чего – мохнатые брови лекарь сдвигает, и хочется от его взгляда под лавку спрятаться.

Спускается эта бархатная крепостная башня из верхних покоев в здоровенную прихожую гостям навстречу и, разведя руками, начинает по-латыни что-то длинное говорить. Графу-то что, он понимает и сам с удовольствием ответить может, а слуге скучно. Вот он и поглядывает по сторонам.

И видит слуга, что за лекарской спиной по лестнице, лепясь к перилам, кто-то тихонечко спускается на полусогнутых ножках. И старается как можно меньше скрипу произвести. Лестница-то витая, его сперва видно было, потом – нет. Пока лекарь бархатными широченными рукавами приветствие изображал и речь свою выкрутасами украшал, этот человек – шмыг, и вдоль стенки, вдоль стенки! На нем пегий какой-то плащ с капюшоном. А капюшон чуть ли не до седой бородачки спущен.

Не поклонившись графу, как-то воровато пробрался этот человек к дверям и совсем было улизнул, но бдительный слуга схватил его за суконный шиворот, чем нарушил лекарскую высокоумную речь. А тут еще человек дернулся и крикнул что-то птичьим голосом.

– Ты чего безобразничаешь? – напустился на слугу сходу граф. – Ты чего в чужом доме людей за шиворот хватаешь?

– А почему он вашей светлости не поклонился? – возмущенно шумит слуга. – Светло же здесь и видно, какой у вашей светлости герб на перевязи – графский! Да и у меня на плаще тоже ваш герб имеется! И в жизнь не поверю, чтобы городской житель не умел гербы различать!

– Какая светлость, опомнись! – замахал на него рукавами лекарь. – Ты, гляди, на улице графа светлостью не назови! Тут с этим строго. Никаких светлостей...

Вздыхнул лекарь, рожу скривил и добавил:

– Одни мрачности...

– Значит, и герб с плаща спороть? – спросил слуга и с большим сомнением отпустил добычу. – Слышали мы у себя, на севере, что у вас тут чудеса творятся, но не думали, что до такой дури вы дожили. Все равно – человек он пожилой, должен помнить, как приличные люди со знатью здороваются! Опять же, герб!

– Я этих гербов за сорок лет, может, тысячу руками перетрагал! – сердито пискнул ему в ответ человек. – Я, да будет тебе известно, ювелир и эти самые гербы из перегородчатой эмали на заказ мастерил, когда ты еще пеленки пачкал! И графский герб для меня – плевое дело!

– Графский герб для тебя – плевое дело?! – взорвался тут и молодой граф. – Ах ты замухрышка! Жилло, держи его за шиворот покрепче!

Словом, склока, ругань, чушь собачья. Граф двести поколений своих предков поименно вспоминает, ювелиришка всех народных избранников из Равноправной Думы в свидетели зовет, слуга пинками его кланяться заставляет. Лекарь, бедняга, прямо в угол влип и тарашится, рот разинув. Ошалел от такого темперамента...

И тут вбегает девчонка кухонная, в грязном переднике, с метлой, и орет громче всех:

– Да тихо вы!!!!

Естественно, где женщина вопит, там мужикам уже делать нечего. Слуга с большой неохотой выпустил капюшон, человечек отскочил, граф тоже опомнился и, простите, заткнулся. Тут лекарь видит, что буря окончилась, и из угла возникает.

– Иди на кухню, Лиза, – строго велит он девчонке, – мы тут и без тебя справимся. Вечно не в свое дело лезешь.

– Вы посмотрите, хозяин, что у него в кармане. В левом, – бросает девчонка, глазами стрельнув в ювелира, поворачивается и, мотнув тяжелой полосатой юбкой, уходит.

Тут устремляет господин лекарь на ювелира тяжелый свой взгляд. Кабы не знать, что господин лекарь от шума в угол пугливо забивается – так от этого грозного взгляда и в обморок недолго...

Ювелир же с сопением опускает глаза, и рожа у него не то что виноватая – разочарованная...

Смотрит слуга вслед этой самой Лизе и чудится ему, будто вокруг головы у девчонки – вроде сияния. А никакого сияния быть не может. Платок на голову накручен и сзади завязан. И еще – откуда быть сиянию с таким-то носом? Нос у кухонной девчонки длинный, тонкий, острый – ну, шило и шило, таким дырки в стременных петлицах или, скажем, в конских подпругах хорошо проковыривать!

Но шея между платком и воротом сорочки белая, стройная. Тем более, что кружевце ворота – серенькое, застиранное. И под тяжелой юбкой все округлости, сразу ясно, в полном порядке.

– Ну, так что же у нас в левом кармашке? – ласково этак спрашивает лекарь. И голосок сладенький, будто не воришка перед ним, а хворое дитяtko. – Может быть, у нас перстенок в кармане?

Ювелир молчал, молчал, глаза опустив, да как выхватит из кармана, да как шваркнет об пол блестящую штучку! Да как сверкнет на лекаря бешеными глазами! И – за дверь!

Слуга, повинувшись графскому взору, эту штучку с пола подобрал и на ладони хозяину с лекарем поднес. Ну, и сам разглядел.

Это был перстень с темным камнем. Перстень сам по себе невелик, прост, камень гладкий, продолговатый, полупрозрачный, и знак на камне с оборотной стороны вырезан. Вроде как цветок, выложенный изнутри золотой проволочкой. Даже непонятно, кто бы такой перстень носить мог – для женщины великоват, для щеголя простоват.

– Занятная штучка, – сказал молодой граф. – И с чего бы вдруг этому ювелиришке ее у вас, друг мой, воровать? Ювелиры – господа богатые, а такой перстенок много стоить не должен.

– Из-за этого перстенка, сударь мой любезный, у нас с этим чертовым ювелиром такая катавасия вышла, что в трех словах не расскажешь, – отвечает лекарь. – Вот сядем сейчас за ужин, выпьем, закусим, и я всю эту историю преспокойненько расскажу... И позвольте мне слугу вашего наградить. Вовремя он воришку заметил.

– Я только от господина принимаю награду, – с достоинством заявил слуга, да еще рукой сделал вот этак – мол, мне вашего не надо. А граф, на это улыбнувшись одобрительно, похлопал его по плечу, и тем разговор о награде и кончился. Хотя слуга рассчитывал на что-нибудь более вещественное, чем хлопочек господской ручки.

Конечно, мог он на это свое скромное желание еще как-то намекнуть. Но был от природы не то чтоб застенчив – нет, иногда и язык распускал! – был как-то неспособен свой денежный интерес защитить. Да и прочие интересы, если разобраться.

И, разумеется, граф с господином лекарем отправились ужинать в роскошно убранную столовую, а слуге девчонка Лиза показала его место за кухонным столом. А оттуда, с кухни, историю про перстенок не расслышать при всем желании.

Разумеется, всплыла потом эта история, и лучше бы графскому слуге знать ее с самого начала, но не вышло – и ладно.

– Не ко времени вы приехали, – сказала кухарка Маго, наливая густую, прямо ложка в ней торчком, грибную похлебку со шкварками. – Лучше бы графу поскорее на север, домой убираться, да и тебе с ним вместе. Брякнете на улице что-нибудь этакое, неравноправное, и тем вся ваша учеба кончится.

– Нам добрые люди советовали дома годок-другой посидеть, – и Жилло отхватил себе ломоть хлеба, такой, что под него и рот разинуть мудрено, челюсти крякнут. – Так нет же, университет нам подавай! Науку нам подавай! Металлы и эликсиры! Я бы, будь моя воля, из графства не ногой. Опять же, невеста у меня там осталась.

– Какая наука? – изумилась Маго. – Того гляди, университет закроют и студюзусов всех репу копать отправят. Негоже, чтобы одни были умнее, а другие дурее.

– Негоже, чтобы одни были беднее, а другие богаче, – добавила Лиза.

– Негоже, чтобы одни были красивше, а другие – как пожилое воронье пугало, – вставил свое слово и кучер Кабироль, показав при этом Маго длинный язык. – А ты – светлость, светлость!... Эй, Маго, эй!...

Мотнул Кабироль головой вправо, влево, но от ложки не увернулся. Ложка, прямо из котла, весомо хлопнула его по лбу – похлебка потекла по переносице. А Маго с Лизой, две ведьмы, старая и молодая, расхохотались.

Так что сидят лекарская челядь и Жилло по-домашнему, ужинают. Слугу спрашивают – шалят ли на дорогах оборотни и вурдалаки, не умоталось ли куда обманное озеро. И не сразу обращают внимание, что в двери кто-то гремит и грохочет. Ну, угомонились и треск услышали. Побежал привратник, отворил, и сразу же по шее получил. Это, видите ли, гонец из Коронного замка прискакал. Коронный замок, куда вселились двадцать лет назад избранники народа, как оно и положено, на горе, столичный город Кульдиг с укреплениями – внизу, скакать – ну всего ничего, а конь в мыле, гонец в ярости. Рычит хуже всякого вурдалака.

– Немедленно! Сию секунду! – шумит. – В замок! По приказу! Избранники ждать не любят!

То есть, когда слуга на этот галдеж с кухни выскочил, красномундирный гонец уже сказал, зачем лекарь вдруг на ночь глядя понадобился, и вопил просто для порядка. И понял слуга, что сейчас хозяин дома уедет, но это его не огорчило и не обрадовало, потому что думского лекаря он видел впервые в жизни, и к столу своему тот его не пригласил.

Не успел гонец угомониться, лекарь выходит – в парике, в другой уже мантии, парадной, поверх служебного кафтана. Рукава с обшлагами из прорезей выправляет, опять же, шпажонку в заднюю прорезь выставляет, чтобы не задирали мантию, как петушинный хвост. Все разумно продумано в лекарском наряде! И молодой граф следом за ним сундучок несет. Слуга смотрит и глазам не верит – молодой граф в камзолишке каком-то дрянном и в его, слуги, плаще! Только герб уже отодран, нитки висят. Глядит он на своего господина, а тот палец к губам прижимает – молчи, значит, а то я до тебя потом доберусь! Тут слуга смекнул, что хочется его молодому господину почему-то тайно в замке побывать.

– Карету немедленно! – командует лекарь. – Мои инструменты и снадобья – сию минуту в карету!

Тут граф сует в руки слуге сундучок – неси, мол, – и шепчет незаметно в ухо:

– Поедешь с нами, Жилло...

Причем физиономия у него почему-то развеселая.

Ну, хватает Жилло в прихожей зимний плащ Кабироля, хотя на дворе – лето, выходят все из дома, лекарь в карету садится, Кабироль – на козлы, граф со слугой – на запятки прыгают. Гонец на своем буйном коне – впереди, два красномундирных гвардейца верхами – позади. И понеслись!

– Раз в жизни такая удача бывает! – говорит граф слуге. – В замковых мастерских лучшая вышивальщица заболела! Представляешь, мы с тобой в замковые мастерские попадем!

Тут слуга все и понял. Про эти самые мастерские даже в том северном захолустье знали, откуда они с графом в столичный город прибыть изволили.

Туда брали красивых умелых девушек со всего государства, и работали они там взаперти. Мантии народным избранникам вышивали, знамена, перевязи, что прикажут... Для небогатой девицы это прямо мечта несбыточная – попасть в замковые мастерские! При всех строгостях она там себе хорошего жениха все же сыщет. И Дума ей приданое даст.

Но если Равноправная Дума отправит непонятно куда, так что и следов не останется, кого-то из почтенного дворянства, а дочку в виде особой заботы поближе к себе, в мастерскую определит, то радости мало. Присмотрю за ней одной – больше, чем за всеми прочими. Чтобы прониклась законом Всеобщего Равноправия!

И еще, говорят, попадались там девицы вовсе непонятного происхождения. Народные избранники – они тоже когда-то были молодыми и любвеобильными, вот и понимаете как умеете...

Кроме того, именно среди этих мастериц избранники подружек себе, говорят, заводили. Видно, чтобы далеко не бегать. И это для многих красавиц тоже становилось ступенечкой к благополучию.

Такую разнообразную ахинею плели в народе о мастерских. Ее-то и вспоминали граф с Жилло, когда на запятках тряслись. Жилло, когда разобрался, не очень-то эту авантюру одобрил, да еще съязвил – мол, ваше дело, сударь, молодое, пташечки-милашечки, увлечения-приключения, но я-то, старый дурак, чего за вами увязался? Мне, мол, уже на покой пора, жениться наконец на вами же предназначенной невесте, а не то что за молодыми девчонками подглядывать... Сказав это, вспомнил Жилло Лизу, и как она ловко в дверь шмыгнула, и как над ним нагнулась, когда мясо в миску накладывала, и белую шейку, и тупоносый башмачок из-под тяжелого подола. Девчонка... да... Вот кабы не шило...

Несется карета по притихшему Кульдигу, а Жилло, переговариваясь с графом, по сторонам поглядывает. Он же впервые в столичном городе. И соображает – въехали-то они с графом через северные ворота, а вот выезжают, как видно, через южные. Невдалеке от ворот – мост через речку Венту. Что Кульдиг на Венте стоит – это все знают. С моста виден холм с плоской вершиной, поросший кустарником, что немного ниже по течению, чем Кульдиг. И про него Жилло слышал – это Городище. Раньше, леший знает когда, там деревянное укрепление было. Тогда, когда еще мушкетов с пистолетами и пушек не придумали, а орудовали боевыми топорами и впрягали боевых быков в боевые колесницы. А может, еще раньше...

Переехали речку Венту – и повернули к горе, на которой Коронный замок. Если снизу на него глядеть, да еще вечером, когда на закатном небе красиво силуэты башен рисуются, – сразу ясно, кто в здешних краях хозяин. Навис замок над всей долиной, и из его амбразур окрестности, вплоть до гавани, очень даже любезно простреливаются.

Единым духом поднялась карета по серпантинной дороге и влетела в замковый двор.

Одна из башен Коронного замка так и называлась Девичьей. Стояла она угловой – то есть, на ней смыкались под острым углом две стены с бойницами, и ход в нее был по галереям, которые шли изнутри вдоль этих стен. Там внизу была большая общая комната, где все девицы шили, вышивали и кружева плели. Туда же им и поесть с кухни приносили. Рядом – общая же спальня. И оттуда две особые лестницы еще выше ведут – в две совсем отдельные спальни. Словом, берегут вышивальщиц, и про решетки на окнах тоже не забыли. Увидели их граф со слугой – переглянулись, а перемолвиться нельзя – карету уже стража окружила, дверцу распахивают, сопровождающим с запяток прыгать велят.

Ну вот, высадили лекаря, молодой граф со слугой сундучки похватили и за спиной у него быстренько встали. Графу – баловство, приключение, слуге тоже интересно стало. Тол-

стый дядька с факелом лекаря по лестнице сопроводил, на открытую галерею вывел и к башне повел, гвардейцы с обнаженными шпагами сзади топают. Кабироль с каретой, понятно, во дворе остался.

Ну, не хуже все, чем в порядочной тюрьме – где слуге, кстати, доводилось побывать. До того, как к графу наняться, он по горам лазил и корешки целебные собирал, а растут они на такой высоте, что королевский замок, вроде этого, с той высоты не больше детской ладошки. Ну и нарушил чью-то там границу, да еще обвал случился – вот и спустился слуга совсем даже не в том королевстве, где рассчитывал...

Значит, вводят лекаря в общую комнату. Девицы, увидев, с мест повскакали. Одеты они... ну, не для выхода в свет, попросту одеты, да к тому же и камин пылает, дров для мастериц не жалеют, жарко девицам. Кто в чем, и гостей явно так быстро не ждали. Не у каждой и косыночка на груди запахнута. Многие в ночных чепчиках. А иные даже юбки сняли, на стульях развесили. Молодому графу со слугой уж было на что поглазеть! И черненькие, и беленькие, и рыженькие, и пышечки, и тоненькие, как тростиночки! На всякий вкус. Но только скривил слуге рожу молодой граф – не таких замученных увидеть ожидал, по слухам-то они – одна другой краше, а на деле – видывали мы в нашем захолустье и получше!

И чувствует тут слуга взгляд...

Скашивает он глаза и видит вышивальщицу. Стоит она с платком в руке и глядит – может, на него, а может, и на молодого графа, но, поскольку девица красивая, слуге и приятно думать, что все-таки на него. Лекарь мимо девицы шествует, граф со слугой следом идут. Гвардейцы, естественно, и спереди, и сзади, причем на девиц уж и не смотрят – привыкли. Поравнялся Жилло с девицей – тут платочек недошитый у нее из рук выскальзывает и на пол падает. Жилло бы нагнулся поднять, да обе руки сундуком заняты. А девица быстренько опускается на одно колено, но не сразу свой платок берет, а снизу вверх смотрит, и тут уж слуге ясно, что именно на него глядит.

Шаль у нее легкая на голову накинута и концы по груди крест-накрест, а из-под шали – коса! Ну, такую косу Жилло и на картинках не видывал. В руку толщиной и на полу змеиным хвостом легла. Девица шаль свою, впопыхах накинутую, белой ручкой придерживает, другой вроде за платком тянется, а сама глядит серыми глазами из-под тонких бровей вразлет. Ну, соколица, думает Жилло, соколица сероглазая взлетать собралась!

Но господина лекаря ведут по лестнице наверх, граф молодой – за ним, и слуге тоже отставать не приходится, потому что иначе гвардеец со шпагой его подгонять вздумает. Так и прошел слуга мимо коленопреклоненной девицы.

Привели их в одну из тех потаенных спаленок. Одна такая комнатка – на трех-четырех девиц, да и то, как слуга заметил, не совсем чтоб на вышивальщиц. Большая-то, к которой лекаря вызвали, точно вышивальщицей была, но те две зверообразные старушеницы, что вместе с ней обитали, вряд ли когда тонкую иголку в лапищах своих держали. Одно звание, что слабый и прекрасный пол. Если такой зверюге позволить бороду с усами отрастить – в точности тюремный стражник, даже голос менять не придется.

– Добрый вечер, милая девица! – галантно начинает лекарь. – Что же это такое с тобой приключилось?

Лекарь к ней – со всей душой, а девица отворачивается. И молчит.

Пожалел ее Жилло – совсем она молоденькая, бледненькая, волосы прозрачные какие-то, выбились из-под серого чепца на лоб двумя прядками. Но ротик маленький и упрямый. И глаза сердитые. На лице залегли глубокие тени – то ли от болезни, а то ли от канделябра, в котором горят четыре толстые сальные свечи, другого же света в спальне нет.

Сказать правду, так молчала она битый час на все вопросы и даже на приказы. А по лицу видно – плохо девушке. Оказалось, второй день не ест, не пьет, ни слова не говорит. Переглянулись лекарь с молодым графом – ощупывать надо. Лекарь одеяло потянул – она не

дает. Дурацкая картина, особенно потому, что гвардейцы сурово таращатся. Без гвардейцев, может, что и вышло бы.

Попросил лекарь гвардейцев убраться на четверть часика – те только башками помотали. Нет, и все тебе.

– Я так лечить отказываюсь, – заявил тогда лекарь. – Слуги, берите сундучки со снадобьями и за мной!

Встал он с края постели, где примостился, но тут в грудь ему клинок уперся.

– Тебя сюда лечить привели, а не норов показывать! – сказал гвардеец, который покрепче и поглавнее. – Ишь, умный выискался! Думает, раз лекарства наизусть зазубрил, то и норов показывать может! А у нас все равны, что лекарь, что дерьмовоз! Лечи, мерзавец.

Опять граф со слугой переглянулись. И понял слуга, что напрасно они сюда за лекарем увязались. Красавиц-то хвалены увидели, но и неприятности, того гляди, начнутся основательные.

Лекарь, видно, опять струхнул, даром что с виду – крепостная башня. Впрочем, и винить его грешно – это граф со слугой в захолустье жили и горя не знали, а он тут лет уж тридцать, знает, чего бояться...

– Вы, братцы равноправные гвардейцы, языки-то придержали бы, – сказал лекарь и клинок от груди отвел. – Я не потому лечить отказываюсь, что у меня норов, а потому, что против этой хворобы другие лекарства нужны. Видите, сопротивляется девица лечению? Испортили ее, вот что! Порчу на нее кто-то напустил! А ну, ведите меня к начальнику караульной службы! Пусть разберется, кто из посторонних здесь дня этак за два побывал!

– Испортили? Так это свои и испортили! – рявкнул гвардеец. – Девчонка первая вышивальщица, позавидовала какая-то дура! Стой где стоишь! А ты, Никлас, бегом за капралом! Обыск у девчонок делать надо! Давно пора! Я знаю, как они порчу напускают, моей сестре как-то напустили! Это и пояса с заговоренными узлами нужны, и горшки с дохлыми жабами, и прочий ихний ведьмовской приклад! Живо!

Стоит гвардеец, клинок лекарю в живот устави́л, другой тоже руку на эфес положил, а третий выскочил и вниз по лестнице понесся. Слышно – пробежал по мастерской и поднялся там переполох! Ну, кто из девиц обыску радоваться будет?

– Вот так-то, слуги мои, – обратился лекарь к графу молодому и Жилло. – Не думали не гадали, а прямо в змеиное гнездо попали. Того гляди, заставят и нас тут ведьм ловить...

И глазами указывает графу со слугой на тех двух жутких старушенций, которые большую караулить приставлены. И впрямь – как есть ведьмы. Даже клыки желтые – и те имеются. Однако двум балбесам, молодому графу и слуге, не до шуток. Не думали, что проказа так несуразно завершится.

Посмотрел Жилло с надеждой на своего графа – а тот растерялся и приказать ничего путного не может. Да и немудрено – графу-то двадцать лет, что он, кроме родительского замка и умных книжек, видел? Решил Жилло вмешаться – себя и господина спасти.

– Может, нам ваши тайные снадобья, господин лекарь, привезти? – спрашивает. – Раз уж эти не годятся? Все равно ведь вам тут оставаться, пока девицу не вылечите. Мы бы живенько! Мы бы нашли ларчик, который велено, а я и один бы его сюда доставил...

То есть, на что он лекарю намекал? На то, что хотел графа своего отсюда живым и невредимым вывести. Уйти, значит, с ним вдвоем, а вернуться уже одному.

– Парень дело говорит, – одобрил гвардеец. – Ты, умник, стой на месте, а ты, парень, держи...

И бляху свою именную, отцепив от поясного ремня, протянул.

– По моей бляхе тебя выпустят и впустят беспрепятственно. Смотри, потеряешь – сидишься в каземате... Пошел! Лети мухой! Да не оба, одного хватит.

Жилло графа подтолкнул – мол, хватайте бляху, ваша светлость, и давайте деру! Но тот окаменел. Лекарь ему мохнатыми бровями знаки делает – без толку! И дождались все трое – гвардеец чуть не силком Жилло эту бляху в кулак вжал.

– Который ларчик-то принести, сударь? – жалобно спросил Жилло у лекаря.

– Малахитовый, что справа на каминной полке!

И показал лекарь слуге тайно здоровый кулак. Уж что этот кулак означал – Жилло так никогда и не узнал, да, правду сказать, и не пытался.

Пошел Жилло вниз по лестнице и слышит – наверху гвардеец к окну подошел и кому-то приказал его, Жилло, до лекарского дома и обратно в карете сопроводить. Делать нечего – придется возвращаться...

Идет Жилло через мастерскую – там ни души, все раскидано, а большая дверь в девичью спальню – нараспашку. На пальцах огромных стоячих – вышивки начатые, корзинки с клубками опрокинуты, цветные клубки разбежались по полу. Посмотрел на ближайшие пальцы Жилло – чуть на пол не плюнул. Девушкам бы цветы вышивать, а не многоцветной нежнейшей гладью – топор с мотыгой!

Оглянулся графский слуга – и к двери, к косяку на миг прижаться, посмотреть, что у девиц творится. А там уже вовсю сыскная служба старается – ищут, чем порчу наводили! Такой кавардак устроили – перины с тюфяками на дыбы, бельишко девичье убогое – все на виду, только что пух и перья по воздуху не летают. Но, видно, не нашли еще горшка с дохлой жабой. Вышивальщицы уж не визжат, не отнимают у сыскной службы вещички свои, а покорно так встали – каждая, где ее суэта эта застигла, и ждут, головы повесив. Иногда разве что метнется испуганная девушка из угла в угол и там замрет, словно каменная. Почему, отчего – у нее спроси... Весь шум и гам сыщики творят.

Поискал Жилло взглядом ту красавицу, что платок уронила. Вроде не видно, а может, голову повесила, шаль до бровей опустила, спрятала гордое лицо? Тут только вздохнуть остается и идти своей дорогой.

И вот проходит Жилло, медленно-медленно и глядя в другую сторону, мимо дверей спальни к дверям, ведущим на галерею, откуда ему следовало спуститься во двор и сесть в лекарскую карету. Вдруг на краткий миг прижалось к нему горячее тело!

– Молчи! Спрячь... – шепнул голос.

И скользнуло что-то мягкое за пазуху.

Глянул Жилло – а это ведь она, соколица сероглазая, что платочек оброненный у его ног поднимала. Только стоит она уже у стены, прижавшись спиной, и смотрит на разгром в спальне. Словно и не она его сейчас телом да дыханием обожгла.

Не замедляя шага, вышел Жилло из девичьей мастерской – а точнее, вылетел, потому что ног под собой он не чувал. Пропали ноги куда-то и объявились, треклятые, когда галерея поворот сделала и из перил сломанная балясина вылезла. Так двинула чуть пониже колена – Жилло сразу понял, на каком он свете. Спустился, ругая себе под нос треклятую балясину, а тут его гвардеец, которому из окна башни было приказано, перехватил и пошел следом.

И были те минуты, что Жилло спускался с галереи в замковый двор и, сопровождаемый гвардейцем, шел к карете, последними спокойными минутами за вечер – впрочем, уже и не вечер, дело шло к полуночи.

Кабироль со знакомым стражником языками сцепился – гвардеец на ходу подхватил его за шиворот и увлек. Потом подбородком на козлы указал – занимай место, значит. Кабироль встряхнулся и перед тем, как лезть наверх, к приятелю своему повернулся рукой помахать.

У самой кареты, когда оставалось только дверцу открыть и внутри поместиться, услышал Жилло из Девичьей Башни шум какой-то несусветный. Гвардеец, что с ним был, тоже туда голову повернул. А стражник, стоявший рядом с каретой, и вовсе взвизгнул, тыча факелом

куда-то вверх. Задрали Жилло с гвардейцем головы. И увидели они – кого бы вы думали, господа любезные? Молодого графа!

Он стоял между зубцов невысокой, приземистой Девичьей башни – и стоял с клинком в руке!

То есть, не настолько было светло, чтобы узнать человека на башне в лицо. Но во дворе хватало факелов, да и стройная тонкая фигура молодого графа достаточно хорошо была знакома слуге – ведь Жилло лет пять, не меньше, прожил в замке.

Уж неизвестно, что там у него за разговор вышел с гвардейцами, которые оставались в опочивальне у хворой вышивальщицы, но, судя по всему, не нашел граф с ними общего языка. И как он умудрился на самую верхушку попасть – слуга тоже так сходу не сообразил. Так ведь не это было главное.

– Жилло! Жилло! – донесся сверху голос. – Выручай, Жилло!

А как выручать? Граф – он вон где, не в охапку ж его ловить?

Огляделся Жилло – все вверх таращатся, и тот обормот с факелом – тоже. Как-то даже задумчиво взял Жилло у него из рук факел. Тот отдал не глядя. Пожал плечами Жилло – никак не мог решить, что же делать, и нужен ли ему факел для спасения молодого графа. Но другого-то оружия все равно нет! Пока замковый народ разиня рот стоял, отодвинул Жилло ошалевшего Кабиroleя, проскользнул между ним и гвардейцем, быстро залез на козлы. Теперь уж обратного пути не было. Тем более – мысль в голову пришла.

Коротенькая была мыслишка, на ближайšie минутки полторы, а что далее – непонятно. Но хоть так! Жилло вожжи кое-как разобрал, хлестнул ими коней, поднял в крупную рысь и погнал коней впритирку к замковой стене.

– Эй, ваша светлость! – сам орет. – На крышу сигайте! На крышу! Ничего, не страшно!

Это он имел в виду, что крыша кареты – дело хрупкое, сломается под графскими ногами, зато удар смягчит.

Графу было не до того, чтоб еще и соображать. Услышал он голос слуги, с которым вместе по горам за целебными травами лазил, и, недолго думая, действительно сиганул вниз – прямо на крышу кареты!

Почувствовав удар, хлестнул Жилло коней и погнал их к воротам – в одной руке вожжи, в другой – факел, чтобы огнем отбиваться. За спиной у него граф, застрявший в крыше, барахтается, впереди из-под копыт люди скачут – весело! Да еще ворота никто закрыть не догадался – так карета и вылетела на дорогу.

А дорога-то – серпантин! То есть, и сотни футов прямого пути не наберется, одни повороты. Прокатись-ка вниз по такому штопору, да еще впотьмах... Несколько поворотов слуга, правда, благополучно миновал, но в конце концов опрокинул карету – чего и следовало ожидать. Полетел граф с крыши в одну сторону, Жилло – в другую, карета – в третью. Факел вспорхнул вверх и – прямо в обломки кареты! Лошади, скользя по откосу, бьются, костер за ними следом поехал. А тут и погоня из замковых ворот вылетела. Шум, крики, карета пылает, кони ржут, кавардак полный!

Покатился Жилло по склону. Камни острые, кусты какие-то в сплошных колючках – ну, все удовольствия... К тому же погоня все эти выкрутасы знает, а он – нет. Ну, скатился на дорогу, ну, опять нырнул в кусты – а дальше что? Когда это путешествие поперек серпантина кончится? Вообще никогда, что ли?

Шли они, можно сказать, ноздря в ноздю – Жилло и конные гвардейцы. Они преодолевали петлю дороги – а он за это время полосу кустарника, обильно снабженную валунами. И Жилло уходил у них из-под носа раз пять или шесть – пока не оказался у подножия того крутого холма, на котором торчал Коронный замок. А дальше слуге пришлось задуматься.

Была перед ним дорога к городу Кульдигу – но на дороге конные словили бы его в один момент. И слышал он поблизости шум реки. Что по пути к Коронному замку карета перепра-

вилась через мост, он помнил. И что мост был длинный – тоже вдруг вспомнил. А шумело-таки порядочно. Солидная река с быстрым и бурным течением – вот что это такое было. И название вспомнилось – Вента.

Но слуга провел интересную молодость – кроме прочего, выучился он и неплохо плавать. Горную речку мог одолеть. И решил Жилло – надо рискнуть. Не станут же они на лошадях ночью в кипящую Венту лазить! Да и стрелять по нему впотымах, когда его волны прячут, тоже вряд ли кто всерьез станет – разве что для порядку. Правда, если течение подхватит, потащит и башкой к камушку приложит... Пожалуй, будет это не лучше мушкетной пули. Но и не хуже.

Расстегиваясь и сбрасывая кафтан, добежал слуга до берега, а бегал он тоже неплохо, спустился к реке – и понял, что дело-то куда сложнее, чем реку переплыть. Шумела не просто вода – шумел водопад. С каретных запяток его и не разглядеть-то было.

Находился он еще футов на пятьсот ниже по течению того места, где выбрался к воде Жилло. Стало быть, тут переплывать не стоило – это бы уж точно плохо кончилось. Побежал Жилло берегом и возле самого водопада съехал, простите, на заднице по скользкой крутой тропинке. Стенка воды в два человеческих роста и сплошное кипение, сколько хватает взгляда – вот что он увидел, оказавшись на пяточке под откосом. Вода летела вниз в трех дюймах от лица. Сообразил Жилло, что попал в ловушку. Прямо дыхание перехватило. Поднял Жилло руку – ворот рубахи ослабить. И ощутил тот сверточек, который сунула ему в мастерской та сероглазая соколица.

И поди пойми человеческое соображение! Слуге бы сейчас о душе подумать – а он девицу-вышивальщицу вспомнил, ее длинную косу, что лежала на полу, ее взгляд снизу вверх. И одновременно с этим он вспомнил, как устроен здешний водопад. Почему, каким непостижимым образом – это Жилло весь следующий день понять пытался.

А в тот миг он явственно, как будто солнечным днем, увидел сверху гигантскую подкову Вентас-Румбы – вот как это чудо природы называлось!. На самом деле река была неглубокой, даже не очень быстрой, в зеленых крутых берегах, и каменная подкова не менее чем в четырехста футов перегораживала ее неподалеку от устья, если считать по прямой. Но вода текла не столько по камню, сколько по глубоким бороздам, которые сама же и прогрызла в нем за столетия. Впрочем, хотя она и падала с небольшой высоты, но шуму поднимала порядочно – благодаря длине всего водопада.

Днем водопад можно было при желании перейти, не замочив ног, по широким, не меньше фута, полосам камня между потоками воды. Но пробежать по нему ночью – это было развлечение разве что для сумасшедшего. Рухнешь в такую бороздку – тут тебя и потащит вверх тормашками да внизу о каменное дно – хрясь!... А иная бороздка – футов пяти в ширину, ее и днем перепрыгивать будешь очень даже бережно.

Так вот, увидел Жилло как бы сверху и сверкающую на солнце Венту, и зелень, и краснокаменный нарядный мост чуть подалее, и город за мостом, и гигантский водопад, и, кажется, даже самого себя, прыгающим наугад. Впрочем, наугад ли? В мгновенном этом видении фигурка взлетела в воздух и приземлилась точно между двумя потоками воды. И стало вдруг Жилло сразу и тревожно, и радостно. Он понял, что преодолет каменную подкову. Осталось только выбраться на нее. Он полез вверх по откосу.

Луна как раз вовсю разгулялась и, когда Жилло оказался на водопаде, конные гвардейцы его заметили и открыли стрельбу. Но свист пуль и крик стрелков перекрывался шумом воды. Это отгоняло от сердца страх. Впрочем, и от выстрелов была польза – торопясь уйти подалее от берега, Жилло отважно скакал с одной каменной полосы на другую.

Первые две борозды он просто почти перешагнул – в шаг шириной они и оказались. Третья была, пожалуй, шага в полтора – так распахнул Жилло длинные ноги, что штаны в известном месте треснули. Понял он, что придется прыгать. Причем неведомо куда. Кто ее, борозду, знает, где там у нее край! По блеску луны на стремительной воде Жилло с грехом

пополам прикинул, куда приземляться, оттолкнулся – опять удача! И в следующий раз повезло – только поскользнулся и оказался на четвереньках. Руку ободрал, колено тоже. Шершавым же оказался окаянный водопад! Прихрамывая, кинулся Жилло в третий прыжок, а там, откуда метнулся, пуля по камню скрежетнула. И не долетел Жилло до края – рухнул-таки в воду! Рядом еще одна пуля в глубину ушла.

Гвардейцы с берега палили вовсю – надеялись подстрелить безумца. Скакать впотьмах по водопаду – на такое сумасбродство у них духу не достало. Впрочем, если бы всадники и рехнулись – у коней бы хватило ума упереться всеми четырьмя и не пойти на каменную подкову. Один выстрел показался погоне особо удачным – взлетев над водопадом, беглец словно канул в темноту. Хлопнули по плечу меткого стрелка и повернули коней – докладывать начальству, что утром труп найдется ниже по течению, в камышах.

А Жилло нескольких дюймов не долетел до края – грудью на него упал, а ноги в воде полощутся. Хорошо еще, что слугам ботфорты не полагаются, только туфли с пряжками. Нахлебался бы ботфортами воды до полна и потащила бы эта тяжесть вниз, в буруны. Вцепился Жилло ногтями, как когтями, в корявый камень – удержался! Полежал, подтянулся, огляделся – не стреляют. Тогда кое-как выполз Жилло, а дальше уж двинулся не на двух ногах, а на четырех, чуть что – припадая пузом к каменной подкове. Холодная вода-то смыла не только глину со штанов, но и весь его азарт, скакать козлом что-то больше не хотелось.

Долго ли, коротко ли – преодолел графский слуга этот диковинный водопад. Вышел он, прихрамывая, на берег, ощутил подошвами мягкую землю и сел на травку под ближайший куст – дух перевести. Тут только вспомнил он улетевшего с каретной крыши графа. Но поздно было вздыхать и охать. Судя по тому, что вся команда ринулась за Жилло, графа схватили там же, у кареты. И увели в замок – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Пригорюнился Жилло, сидя в кустах и выкручивая мокрые штаны. А тут из-за пазухи сверточек чуть не выскользнул. Коснулся Жилло свертка, чтобы уложить, поудобнее и задумался. Ведь признается хозяин, что он – граф, «его светлость»! Тут и лекарю достанется – за то, что неизвестно каких мерзавцев тайно в Коронный замок провел. Два хороших человека ни за что ни про что пострадают – выручать надо. Думает Жилло про все эти неприятности, а пальцы все глубже в сверточек проникают – мягко в нем, бархатно и тепло. Должно быть, рукоделие какое-то красавица-соколица от обыска спасала. Но какое бы?

Разворачивать в потемках Жилло не стал, а сам на себя прикрикнул – ишь, расселся, всю жизнь без штанов под кустом не просидишь. Кое-как оделся Жилло и побрел туда, где померещился ему за деревьями огонек.

То, что он увидел с холмика, сперва показалось страшным. Словно чудище, вылезая из глубин земных, разверзло пасть с огромными и острыми зубами. Причем эти черные зубы – в добрых два человеческих роста и в два полукружья выставлены, как и положено вокруг жуткой глотки. Если кто пугливый ночью увидит – зайкой, пожалуй, станет. Но Жилло, перебравшись через водопад, уже на прочие страхи чихать хотел. Спустился, подошел поближе – и понял. Это несколько старых рыбацких баркасов мудрый хозяин моряцкого кабачка распилил поперек и поставил на дыбы, на манер высоких, наполовину открытых шатров. И получились вроде как отдельные апартаменты для каждой компании гостей. Стол, от морского ветра и дождя прикрытый, скамейка полукольцом вдоль бортов и дна – чего еще? В такой штукотине и парочка удобно устроится – скамья-то широкая, поскольку старые баркасы были весьма пузатые! Потушит фонарь, свисающий над столом с носа или с кормы, – и вперед, господа любезные... Хозяин если и заметит – возражать не станет.

Такие амурные мысли Жилло в голову пришли и моментально ушли по простой причине – он, скидывая кафтан, не подумал, что кошелек с деньгами нужно из кармана взять. Была еще какая-то мелочь в кожаном подвесном кармане, которыми, уже на студенческий лад, заранее обзавелись и граф, и слуга. То, что Жилло там нашарил, к радости не располагало. Тем более –

неизвестно, когда другие деньги будут, на графское жалование рассчитывать как-то не приходилось... Вот Жилло и соображал, может ли деньги тратить на выпивку, вполне им заслуженную и совершенно необходимую, или придется обойтись.

А тем временем с моря-таки потянуло прохладцей и... пивом. От крайнего баркаса, что был во всей баркасей компании самым мощным. Жилло повел носом – в неярком свете кованой лампы увидел вокруг стола четыре рожи. Бороды – одна другой краше, торчат во все стороны, усы – нечеловеческого размера, из ноздрей вылазят и в уши концами упираются. Как при этих усах еще и дышать – вовсе уму непостижимо. Носы, значит... Обыкновенные для морского народа носы, то есть, цвета обыкновенного, красновато-лилового. У самого молодого морячка нос пока что вполне человеческий, но, видать, недолго осталось... Насчет волос сказать трудно – головы плотно пестрыми платками повязаны. Словом, местное береговое братство, законно промышляющее каботажным плаванием, но главный доход имеющее, очевидно, совсем от других проделок.

Подняли четыре моряка кружки с пивом, стукнулись ими, сдунули пену и молча вытянули все пиво до дна. А кружки – под стать баркасам. Обыкновенный человек от такой кружки, пожалуй, вдоль по пузу треснет, а моряку даже на пользу – задумчивый делается. Размышлять начинает.

Вот и эти красавцы сидели себе задумчивые, сидели, тот, что на вид – старший, вздыхал шумно, прочие вторили, а потом хозяину крикнули – мол, расплатиться желаем!

Хозяин девку прислал – сам он что-то этакое на открытом огне жарил и отвлекаться не мог. Пришла эта девка – ну, всего у нее хватало, и спереди, и сзади, встала руки в боки и раскомандовалась.

– Вы, – говорит, – каждый за себя платите, тоже еще выдумали, чтобы один за всех платил! Теперь у народа равные права и равные обязанности! Не слышали, что ли?

А дальше, когда моряки поодиночке платить отказались, а расплатился все-таки старший, девка такое загнула – Жилло показалось, что у него уши повредились, от прыготни над шумным водопадом это вполне могло случиться.

– Теперь у нас еще не полное равноправие, – объявила, – а вот когда мужья и жены у всех будут общие, тогда и будет равноправие! Равноправная Дума, сто лет ей жизни, в будущем году это ввести обещала!

Оказалось, не только Жилло ошалел – морякам тоже затея Думы не понравилась. Старший степенно вышел из-за стола, встал против девки и тоже руки в боки упер.

Здоровый был он дядька, нарядный – по бежевому кафтану вместо пояса полосатый шарф повязан, коричневый с золотом, и хотя шарф довольно широк, но для почтенного капитанского пуза даже несколько маловат. И кружева на груди. И перевязь шита золотом.

– Интересно! – прогудел. – Значит, всякая старая рухлядь будет под меня клинья подбивать, а я и послать ее к чертовой бабушке не могу? А я и штаны расстегивай, потому что общий?! А ну, геть отсюда! Это я им буду общий! Всем оголодавшим бабам! А вот мы четверо сейчас тебя до кустиков доведем – а ты и не пикнешь, потому что общая! Понравится? Нет? Ишь, проповедница сыскалась...

Девка так и отскочила.

Жилло, собственно, почему на моряков посматривал? Они пребольшую копченую треску ели да не доели. Он и рассудил, что стянуть ее будет несложно, пока девка деньги хозяину сдает. Мелочь, которая в кармане, все-таки побережь придется. А треска с горбушкой – это уже завтрак.

Встали моряки, расплатившись, факел небольшой от фонаря зажгли и, думаете, к гавани гуськом пошли? Какое там – совсем в другую сторону. И у самого главного – сундучок под мышкой оказался. Жилло насторожился – не иначе, клад закапывать понесли! Так что бы вы

думали – у замыкающего, самого молодого, лопата под кафтаном. Он ее к перевязи для сабли приспособил, но все равно болтается и сбоку хорошо видна.

Тут Жилло присвистнул. Клад – это было куда как кстати. Граф-то, если жив, то в темнице, и лекарь с ним вместе. Вызволить надо. А здравый смысл подсказывал слуге, что и при повальном равенстве вытащить узника из тюрьмы можно только за деньги. Не то чтоб стражу подкупить – это бы проще всего! А хоть адвоката нанять... Хотя леший их тут ведает, не отменили ли они по случаю равенства и адвокатов?

В общем, моряки вразвалочку чым-то огородом топают, Жилло, пригнувшись, следом крадется. Моряки луг перешли – и он за ними. Моряки в рощицу углубились – Жилло почуял, тут и останутся. Действительно, остановились, один яму выкопал, другой в нее сундучок поставил. Закопали, постояли, тихо назад побрели. Жилло, конечно, остался. Стоило морякам отойти подальше – он руками откопал сундучок.

И что же за клад вынул он оттуда?

Хотите – верьте, а хотите – нет, а вынул он завернутого в шелковый платок дохлого попугая...

Почесал Жилло в затылке. Клад, однако!... Подумал, что хитрые моряки могли нафаршировать пташку-покойницу драгоценностями – скажем, бриллиантами. Но копать в дохлых птичьих потрохах у него охоты не было. Да и поди сбудь драгоценности в чужом городе. Как раз на неприятности нарвешься. Потому взял Жилло платок, а попугая сунул обратно в сундук и закопал.

Платок же ему понадобился для колена. Как он треснул, перебираясь через водопад, так до сих пор и болело. Жилло знал, что лучше всего в таком случае – туго перебинтовать ногу. Вот и воспользовался пестрым шелковым платком. Вроде полегчало. Подумал Жилло, что нужно будет потом повязку и штаны местами поменять – чтобы повязка все-таки снизу, а штаны все-таки сверху. Когда «потом», он и сам не знал. А просто пошел прочь от попугаевой могилы.

Поскольку местности он не знал, то и вернулся к кабачку с баркасами. Там уже последние посетители разбрелись. И посуду прибрала бойкая девка, которой вынь да положь общих мужей, и недоеденную треску – соответственно.

От кабачка рукой подать было до гавани. Собственно, от города к этой гавани вела дорога, а кабачок стоял в сотне шагов от той дороги, но от него тянулась туда и своя, особая тропинка. И на той тропинке хорошо было в засаде сидеть, потому что окружали ее высоченные валуны. Жилло подумал – надо же куда-то двигаться, почему бы и не в гавань? В конце концов, в его дурацком положении матросом наняться – еще не самый скверный выход. Травознаем он был, браконьером был, сторожем на рынке был, слугой графским тоже был – матросом не был!

Похромал Жилло к гавани, соображая, когда же наконец рассветет. Ночи летом короткие. Моряки на судах поднимаются рано. Поужинал он на лекарской кухне плотно. Голод до утра не проснется. Часика полтора-два можно подремать на берегу – а потом...

Тут тропа сделала поворот, и Жилло – с ней вместе. Прямо в глаза ему з-за валуна – факел! Что еще за полуночные гуляки к кабачку бредут? А это нос к носу с Жилло столкнулись двое из той четверки, что попугая хоронила. Старший и тот, что лопату нес!

– Эге! – говорит басом старший, ткнув пальцем в колено графского слуги. – А платочек-то знакомый!

– Вот так всегда, – добавляет его спутник, вытягивая из-за раструба грязнейшего ботфорта ножичек с пол-сабли, не меньше. – Идешь за позабытым поясом, а находишь платочек...

– Напрасно ты меня тогда убеждал, Мак, что не для чего за пивом пояс расстегивать, – и тут старший тоже достает из-за своего раструба что-то похожее. – Видишь, кабы я тебя послушался, мы бы за поясом не вернулись и платочек свой не повстречали!

– Вы, капитан, правы в том рассуждении, что в стянутое брюхо много пива не вольешь, – философски отвечает юный владелец лопаты, – но распущенное брюхо отнюдь не способствует бдительности. А мы ее, видать, утратили, раз этот равноправный собрат за нами смог бесшумно пойти и платочком нашим разжиться...

Жилло давно бы деру дал, несмотря на колено, да только держат его два ножа с двух сторон, один в желудок уперся, а другой – в печеньку, и неизвестно, что хуже.

– Я бы таких собратиков на реях вешал, – задумчиво сообщает капитан, – и знаешь, Мак, получал бы от этого огромное удовольствие... Придется нам с тобой теперь возвращаться, искать могилку, опять Дублона в сундучок укладывать, опять закапывать...

– Не придется, – наконец обрел дар речи Жилло. – Я когда понял, что там нет ни золота, ни драгоценностей, попугая обратно похоронил. Не верите – я вас сам туда отведу и покажу.

– Похоронил? – удивился капитан. – Попугая – похоронил???

– Вы же похоронили!

Помолчали моряки. Мак с большим интересом ждал, что капитан попугайскому гробопопателю ответит, а капитан задумался.

– На мели, значит, оказался? – спросил он наконец Жилло.

– И на какой еще мели!

– Пойдешь с нами, – внезапно решил капитан. – Только слово дай, что похоронил Дублона как полагается, не бросил лесным кошкам на растерзание!

– Право слово, как полагается! – отвечал Жилло. – Правда, и сам не знаю, зачем это сделал, но в сундучок уложил и закопал. Клянусь!

– Чем клянешься-то? – почему-то с великим подозрением спросил капитан.

Жилло задумался. Граф бы в таком случае свою честь и благородных предков помянул. А слуга? Впрочем, раз уж в государстве равноправие завели... Может, оно и к клятвам относится?

– Честью... – буркнул Жилло, понимая, что не про него такая клятва.

– Ого! – и тут моряки переглянулись. Понял Жилло, что опять их удивил.

– Откуда ты такой взялся? – любопытствовал капитан. – Честью! Да если бы ты честь в городе помянул – тебя бы повязали и в подземелье Коронного замка сволокли. Ты что, совсем из захолустья?

– Из захолустья, – признался Жилло. – С севера. Мы с молодым графом в университет приехали. Кто ж знал, что у вас тут уже и честь отменили!

– И где же твой граф?

– Да в Коронном замке, пожалуй... – неуверенно сказал Жилло. Граф с тем же успехом мог, свернув при падении шею, лежать мертвым в кустах.

– В университет! Ишь! Студиозусы! – капитан опять надежно установился на крепких ногах, решительно выкатив живот и уперев руки в боки. – Нашли время! Ну, граф – молодой, ему простительно дурака валять, но ты-то уже в мужском возрасте, мог бы понимать! Не то теперь время, чтобы по университетам шастать! Вы что там, у себя, вообще из столицы вестей не имеете?

– Имеем. Только кто же их всерьез принимает? – признался Жилло. – Вон лет шесть назад проезжали купцы, говорили, что в Кульдиге возле самого Коронного замка девку с рыбьим хвостом из реки выудили. У нас конюх, молодой еще парень, сбежал – на девку посмотреть. Вернулся через полгода злой как черт. Оказалось – надувательство! Стоит на базарной площади палатка, в палатке одна убогая свечка горит, в ванне тетка пожилая без ничего восседает, и хвост в воде мокнет тряпичный.

– Простая твоя душа... – вздохнул капитан. – Ладно, леший с ним, с поясом. Мало надежды, что его еще к рукам не прибрали. Наверняка та дура, у которой мужья общие. Пошли! Колено-то чем повредил?

- Водопадом, – усмехнулся Жилло.
- Чем?... – хором спросили моряки.
- Ну, на водопаде сейчас споткнулся. Треснулся...
- На Вентас-Румбе?! – прямо остолбенел капитан. – Кой черт тебя туда ночью понес?

Жилло развел руками – и впрямь, объяснить умному человеку эту экспедицию было невозможно.

– Помните, капитан, возле Коронного замка факелы мельтешили? – вдруг сообразил Мак. – Мы как раз в кабачок шли и на гору смотрели! Так вот кто всю суматоху поднял! Студиозусы!...

Мак еще что-то собирался угадать, но схлопотал по затылку, а лапа у капитана была серьезная.

– Не наше дело! – рявкнул капитан. – Мало ли какие графы со слугами в Коронный замок ездят! И суматохи мы никакой не видели. Подумаешь, факелы... Пошли скорее. Еще до рассвета выйти в залив надо. Лишь бы языком трепать! Пошли! И ты хромай шустрее. Студиозус! Шастают тут всякие...

Бурчал капитан на разные лады, пока не дошли до гавани. Там прямо на глазах переменялся.

- Голубушка моя! – говорит. – Красавица ненаглядная! Второй такой на свете нет!

И впрямь – с носа шхуны смотрела на них деревянная девица с пышнейшей грудью и золотыми локонами, каждый – с человечью голову. Девица была выкрашена в розовато-белый цвет, кудри – вызолочены. Там, где кончался розовеющий животик, была небольшая и не очень заметная на темном дереве дыра – отверстие корабельного гальюна. И надпись шла по борту – «Золотая Маргарита».

В гавани нашел Мак принадлежащий кораблю ялик, ошвартованный у пристани, и доставил капитана с Жилло на борт шхуны. Сам, получив приказ, в кубрик отправился – спать. А Жилло капитан в своей каюте оставил.

– Я пьян, – сказал, – хорошо пьян, но недостаточно. Поэтому сейчас мы с тобой, студиозус, добавим. Пиво – это ерунда. Развлечение. Причем ненадолго. А вот ром... Конечно, мешать ром с пивом – преступление. Но пива во мне уже не осталось, а желание выпить имеется. И повод есть.

- За приятное знакомство, что ли? – осведомился слуга, берясь за свой оловянный кубок.

– За Дублона, беднягу... – капитан взялся за свой золотой. – Мир его птичьему праху! Ты не поверишь, студиозус – любил я его, негодяя, хотя звал он меня исключительно дураком и мерзавцем!

- Любил? Птицу? – Жилло чуть кубок не выронил.

– Любил, черти бы ее побрали! Почему же я, как ты думаешь, хоронил Дублона, как родимую бабушку не хоронят? Любил, будь ты неладен!

- Любил... – задумчиво повторил Жилло. – Слово-то какое...

– Это слово, студиозус, вроде репейника на огороде. Как его ни истребляй, прорастет и к человеку прицепится, – поучительно заметил капитан. – Что, и у вас в захолустье его из моды вывести пытались?

– Из уездного правление комиссия приезжала, – сказал слуга. – Книги в графской библиотеке смотрела. Про науку оставили, а про это самое – увезли. Но нас с графом тогда дома не было, я его по горам водил. Секретарь старого графа нам потом так объяснил – если кто-то кого-то любит, значит, считает, что тот человек лучше всех прочих. А это противоречит равноправию. Ну, пусть так – не ехать же в уездное правление про любовь разговаривать! До него неделю добираться.

– Значит, помнишь еще это слово? – радостно спросил капитан. – Ты только на людях его не говори. Разве что бабе с глазу на глаз... И то умной – чтобы доносить не побежала.

И вспомнил тут Жилло разом Лизу и ту соколицу сероглазую, что ему сверточек дала.

Конечно, было в его жизни немало женщин и без этих двух – даром, что ли, тридцать пять с половиной лет на свете прожил? Сколько удалось – столько и осчастливил. Вероятно, и дети были – по крайней мере, одно чадо. А к этим двум он ведь и пальцем прикоснуться не успел. Однако ж увидел перед глазами именно их. Должно быть, именно потому, что еще не прикоснулся...

– Хорошо, что напомнили, – сказал Жилло капитану. – Как раз получил от одной подарочек. Надо бы посмотреть, что такое.

И сверточек достал.

– Сперва за Дублона выпьем – велел капитан. – Умнейшая была птица! Выпью, тогда – про баб. Трезвый я про них и думать не желаю, пустой народишко... Включая в сие число мою супругу с дочкой. Вот сын у меня – молодец.

Хмыкнул Жилло на то, что капитан назвал себя трезвым, но спорить не стал, чокнулись, выпили рому. Развернул Жилло сверточек. Капитан привстал, навис над столом.

– Якорь мне в печенку и в селезенку, если они у меня еще остались! – говорит. – Ничего себе студиозус! Какие подарки получает!

Жилло – тот остолбенел.

Лежал перед ними на столе кусок тонкого темно-вишневого бархата в виде странного и древнего знамени – по одному краю семь углов вырезаны и обметаны, да недошиты. А в серединке – букет из трех цветков золотом вышит. Один, в середине, повыше торчит, два – по краям, и все три – совершенно одинаковые, с округлыми лепестками. Листья тоже золотые, но чуть другого оттенка, зубчатые, и основание каждого цветка крошечными зубчатыми язычками окружено. Красиво и непонятно – никогда раньше Жилло таких цветов не видывал, хотя и считался травознаем, и лазил по горам за корешками.

– Да тут одна золотая нить сколько стоит... – только и мог он вымолвить. – Целое состояние!...

– Какая, к морскому дьяволу, нить! – рявкнул капитан. – Ты посмотри, что тут вышито! Ты посмотри! Помнит же еще кто-то!

– Что помнит? – спросил ошарашенный Жилло. И вдруг как хлопнет себя по лбу!

– Узнал! Я же этот цветок на камне видел! В лекарском перстне! Капитан, я же его в перстне видел! Еще тогда удивился – все цветы знаю, этого не знаю! Думал – бред пьяного ювелира!...

– Сам ты бред пьяного ювелира... – и капитан, склонившись над столом, прикоснулся к цветам влажными губами, а прежде того – усами и взъерошенной бородой. – Их глушили, а они проросли... Проросли, понимаешь, студиозус! Их травили, а они проросли! Впрочем, молод ты и глуп... и ни хрена не понимаешь... Отдай мне эту штуку! Она тебе ни к чему!

Лег капитан тяжелой грудью на стол, сгреб под себя вишневый бархат. Устроил на нем рожу свою звероподобную поуютнее. Пегая борода на вишневом с золотом бархате – царственное это было зрелище!

– Убирайся, – говорит. – Иди в кубрик, Мак тебя устроит. Только с трапа не кувырнись. Можешь съехать на поручнях. Это ж надо – проросли! Знать бы, кто их вспомнил да вышил! Иди, студиозус, катись, студиозус... катись по трапу... Все... сплю...

Вышел Жилло на палубу. До утра недолго осталось. Ветерок приятный по лицу погладил. Постоял Жилло у борта, на небо полюбовался, потом на дубовую каронаду присел, спиной к корабельной пушке привалился и баловаться стал – оттолкнется ногой и едет на каронаде, как на карусельной тележке, пока о борт не затормозит.

Из кубрика вышли два моряка.

– С рассветом мы уже во-он там быть должны, – сказал один другому, показывая пальцем на дальний мыс, и основательно зевнул. – Туши кормовые фонари, и без них нас уже разглядеть можно.

И понемногу началась на палубе суета. Жилло, чтобы под ногами не путаться, к Маку пристроился. Тот вторым помощником старого капитана оказался. Тоже кое в чем командовал.

– Мы уже весь груз на борт взяли, – сказал он Жилло. – Не поверишь, жеребцов породистых возем! Не первый раз, у нас уже трюм приспособлен, не трюм, а настоящая конюшня. Ждали пассажира, но он человека прислал сказать, чтобы без него с якоря снимались. Так что и ветер попутный, и груз хороший. Ты морской хворобой не страдаешь?

– Да я не плавал ни разу, у нас в горах и озера-то порядочного нет, – признался Жилло. – Понятия не имею, может, и страдаю!

Мак прислушался.

– Гудит! – сказал он. – И сдается мне, что это он тебя в каюту требует.

– Кто требует?

– Да Шмель! Беги к нему скорее!

Понял Жилло, что это капитану кличку прилепили. А что? Большой, толстый, поперек – в золотую полоску и гудит!

Пошел Жилло к капитану. Тот, хмурый и взъерошенный, стоял у стола, пытаясь натянуть на лысину завязанный шапочкой пестрый платок.

– Дайте развяжу, – предложил Жилло. – И завяжу как полагается, только нагнитесь.

Вывязал он у капитана узел на затылке и кончики платка расправил.

– Хороший ты, надо думать, слуга, – заметил капитан Шмель. – Графа-то как зовут?

– Иво оф Дундаг! – гордо сказал слуга. – Герб – золотая дубовая ветка на зеленом фоне! Перевязь – белая с зеленым! Нагрудные знаки Трех Орлов и Боевой Рукавицы!

– Граф Иво оф Дундаг... – повторил капитан. – Ну прямо как в детские мои годы – бегут бесштантные сопляки за каретой и вопят: «Едет граф оф Дундаг!» А что, в вашем захолустье еще называют графа светлостью?

– Откуда ж нам знать, что это уже запретили? – вздохнул слуга.

– Золотая дубовая ветка, говоришь... – и капитан крепко задумался. – Почтенный герб. Так ведь и его вытравят, и его вытопчут. Нехорошо, чтобы у одних были гербы, а у других – нет...

– Нехорошо, чтобы у одних были мужья, а у других – нет! – сердито буркнул слуга. – Как насчет общих мужей, капитан?

– Ого! – тот явно обрадовался. – А у тебя норы имеются! Старый добрый норы! Я это сразу почувствовал... Слушай меня, студюозус. Вот тебе две дороги на выбор. Ты можешь остаться на корабле, места хватит. Кормлю неплохо. Здесь до тебя вряд ли доберутся. К лошадям приставим. А можешь сойти на берег там, за Полосатым мысом. И вернуться в Кульдиг, графа своего поискать. Денег на это много не дам, но сколько-то получишь. Выбирай.

– А тут и выбирать нечего, – отвечает Жилло. – Высаживайте меня хоть за полосатым мысом, хоть за клетчатым. И от денег тоже не откажусь.

– Так уж к своему графу привязался? Так уж без него жить не можешь?

– Жить-то могу. Но когда я больной у забора городской бани валялся, меня старая графиня подобрала, в замок взяла, вылечила. Графу лет пятнадцать было – от книжек весь зеленый сделался. Я его по горам водил, камни и корни различать учил. Он, может, не подарок, да только не мне и не сейчас его судить. Он, если жив, наверняка меня ждет.

– Ясно, – сказал капитан Шмель. – А теперь слушай меня и не корчи рожу, я уже трезвый. Вот эта штука, которая на бархате вышита, – герб. Чей герб – пока не скажу. Найди мне того, кто этот герб еще помнит! Найди, слышишь? А я тоже буду искать. Через месяц я вернусь в Кульдигскую гавань. Жди меня в кабачке, ну, где баркасы дыбом. Ближе к условленному

сроку каждый вечер наведывайся. Вышивка останется у меня – целее будет. А сейчас тебя Люк покорооче острижет и парик выдаст. Будешь вроде сельского учителя. Котомку себе тоже собери, студиозус! Да поскорее!

Так и сделали, хотя и не очень понимал Жилло – зачем это капитану забытые гербы раскапывать и спасение графа оф Дундаг оплачивать. Для себя-то он точно решил, что загадку эту разгадает.

С такой уверенностью и сел в ялик за Полосатым мысом.

И оказался он на берегу – один-одинешенек, хотя в приличном кафтане, в довольно модном коротком паричке, с котомкой за плечом и с пузатым кошельком в кармане.

До Кульдига отсюда было дня два пешего пути. Жилло мог взять на постоялом дворе наемную клячу – и добраться за день. Переправился он через первую полосу дюн, и аккурат к обеду увидел с последней дюны поселок.

Поселок этот, между ближней к морю полосой новых дюн и дальней полосой старых дюн, обозначивших давнюю береговую линию, был недавно построен – домишки, хоть и небольшие, а аккуратненькие. Сады возле них – тоже еще не плодоносные, совсем молодые. Хотя в таком заветренном месте и они вскоре должны были силу набрать. Разве что огороды тут уже были на славу. Жилло понял, что это – поселок недавних переселенцев. И сразу вспомнил такое, что не по себе сделалось.

Много лет назад, когда он еще жил с дедом и обучался травознайскому ремеслу, неподалеку в горах случился обвал. Целое село как ладонью накрыло лавиной. Хорошо, что мужчины с женами были на полях и на пастбищах. Стариков и детей накрыло, а взрослые уцелели. Без гроша за душой, по решению уездного правления побрели они к югу, чтобы им предоставили другие земли. Разумеется, снабдили этих бедных людей самым необходимым, одеялами там, едой на дорогу, денег тоже немного раздали. А на самом перевале стояла дедова хижина. Возле нее переселенцы и устроили ночлег.

Жилло тогда за ними следом увязался. Не за всеми сразу, конечно. За одной женщиной. Она маленькую дочку потеряла. Да и сама еще была как девочка – восемнадцати лет от роду. Жилло утешал ее, как мог. Муж у нее, конечно, тоже был, но от этакой беды немного умом повредился. Когда за руку вели – шел, когда руку отпускали – стоял. В общем, доутешался Жилло... Да и она твердила, что хочет дочку, иначе умрет.

Пройдя с переселенцами немало миль, спохватился Жилло, что деда одного оставил. Решил вернуться ненадолго – вещи кое-какие взять, с дедом разобраться. Вещи взял и с дедом кое-как договорился – но потерял след переселенцев! Тогда как раз военные действия начались – Бестолковая война, как ее называли в народе, потому что началась она из-за никому не понятной ерунды и окончилась через два месяца тоже как-то странно, каждая сторона осталась при своем. Но было несколько крупных вылазок, при которых уводили скотину и пленных. Пленных потом разменяли, о скотине как-то позабыли, а переселенцы так и исчезли – неизвестно, по которую сторону границы. Жилло искал, искал, да и вернулся к деду.

Так вот, увидел он поселок и подумал про ту тоненькую девочку-мать, которой он сгоряча дочку пообещал. После нее, конечно, немало всяких приключений было, но о ребенке его больше не просили, скорее уж наоборот. Тем она и запомнилась...

Понимая, что накотившая тоска смешна и нелепа, спустился Жилло в поселок. Прикрытый от морского ветра широкой полосой дюн, поселочек просто сердце радовал – вот поселиться бы тут да и жить. Но на единственной улице не было ни души. Жилло прошел из конца в конец – и тогда только понял, в чем дело. Население поселка трудилось на строительстве какого-то здоровенного сарая. Причем трудилось яростно – все друг дружку подгоняли.

Подошел Жилло поближе – и диву дался. Сарай стоял как соплями склеенный – чудом не падал. Но никто этого и замечать не желал. Особенно женщины старались. Отняв у мужей пилы, молотки и гвозди, так орудовали и так шумели – Жилло сразу расхотелось оставаться на

жительство в этом поселке. Опять же, с сараем возни было – невпроворот, а украсить стенку у входа старым одеялом, поверх которого приспособлены перекрещенные топор да мотыга – первым делом успели. Прислушался он – странную чушь несли эти обезумевшие строительницы.

– Кончилась наша каторга! – шумела одна, утирая потный лоб.

– Теперь-то проживем в свое удовольствие! – восклицала другая.

– Теперь-то отдохнем! – вторила третья, маленькая, взмокшая, лохматая. И, кряхтя, поднимала охапку досок – крепкому мужичку впору.

Жилло, грешным делом, подумал, что это они тюрьму для ревнивых мужей строят. Но, оказалось, ошибся. Потому что мужья изнутри сарая трудились – поаккуратнее жен и без воплей, но тоже достаточно бестолково.

– Послушай, хозяин, – обратился Жилло к одному строителю, что как раз вышел продышаться от мелких опилок, порхавших по всему сараю. – Не скажешь ли, где ближайший постоянный двор? А если поблизости нет, не запряжешь ли лошадку, не довезешь ли до Кульдига? Я заплачу.

– Запрячь нетрудно, минутное дело – запрячь, – охотно отвечал мужичок. – Только я один это дело решить не имею права. Лошадь моя теперь – общая, и сам я, как при ней состоящий, тоже, выходит, общий. Соберемся и решим...

Вспомнил Жилло девку из кабачка, которую капитан отбрил, и вздохнул – совсем люди одичали... А мужичок позвал пятерых приятелей, и стали они судить да рядить – может ли он на день с лошастью из поселка отбыть или не может.

– С одной стороны, лошадь нам сейчас, когда общественный хлев под крышу подводим, все равно ни к чему, – рассуждали мужички. – А с другой стороны, проезжий человек за лошадь заплатит, и что мы с этими деньгами делать будем?

– Как это что? – изумился Жилло. – Не такие уж великие деньги. Пропьете!

– Не имеем права, – сурово отвечал строитель постарше прочих. – У нас теперь, когда все общим стало, список утвержден – какие деньги на общую кормежку, какие на общий пропой. Знаешь, что такое новые деньги в список внести?

– А почему это их внести нельзя? – спросил Жилло.

– А потому, что у нас есть список доходов и список расходов. В доходах – за продажу зерна, за продажу репы, за холсты, ну и так далее. А за доставку проезжих в Кульдиг строчки нет. Куда мы эти деньги запишем?

Жилло почесал в затылке.

– Разве обязательно записывать? Просто дойдите с моими деньгами до ближайшего кабака и пропейте.

– Женщины в кабак не пойдут... – вздохнул тот мужичок, что попался ему первым. – Они уж снести его грозились...

– При чем тут женщины? – все еще не понимал Жилло.

– При том, что по законам равноправного народа и есть нужно вместе и поровну, и пить – тоже.

– А разве обязательно им докладывать? – и Жилло покосился на женщин.

– Узнают!... – хором вздохнули мужички.

Посоветовались еще немного. И дождались – женщины обратили внимание на бездельников. Две самых бойких подошли – призвать их к порядку.

И сбылось предчувствие! Посмотрела одна из них на Жилло, посмотрел он на нее... Четырнадцать лет не виделись, а узнали друг друга.

Как-то так само получилось, что ушли в сарай мужички, ушла и вторая женщина, а Жилло и бывшая его подруга все стояли, не решаясь взяться за руки.

– Ну, здравствуй, – сказал наконец Жилло.

– Здравствуй, что ли, – отвечала она. – Как это ты к нам забрел?

– Да вот на шхуне плыл, на «Золотой Маргарите», – честно сказал Жилло. – Им в Кульдиг идти было не с руки, они меня здесь на шлюпке к берегу доставили. Объяснили – добираться недолго.

– Гляжу, ты почтенным человеком стал. В городе живешь?

– В городе.

– А мы с мужем – в поселке. Смотри ты, какой плащ...

И помолчали оба, не находя, что бы еще сказать.

– Я тогда не догнал тебя, – решил наконец Жилло. – Говорили, что все вы в плен попали, что вас увели...

– Так и было. Но что ни делается, все к лучшему. Мы шесть лет городские поля пахали и городской скот пасли, и за это нам землю дали. Место – замечательное, правда, земля скверная. Но ничего, был бы скот, а уж мы землю в человеческий вид приведем.

– Красивый у вас поселок, – кивнув, сказал Жилло.

– Дурацкий! – вдруг рассердилась она. – Строили, мучились, как построили – оказалось, все не так! Ты погляди, Жилло, это же уродство – двадцать хибарок, каждая – как собачья конура! Нам на днях из Кульдига картину прислали, как наш поселок должен на самом деле выглядеть. Вообрази – один большой красивый дом, где все женщины живут, другой – где все мужчины, третий – где все дети, и четвертый – где все старики! Никаких тебе конурок, окна высокие, комнаты просторные. Живу я, скажем, с Анной или с Люцией в одной комнате, и никто под ухом не хнычет, никто трубкой не дымит, чистенько у нас, красиво. И не нужно с утра до вечера по хозяйству суетиться. Пошел на поле, поработал, сколько нужно, пришел – ступай в общую столовую, там тебе уже миску на стол поставили.

– А кто стряпать-то будет? – в который раз изумился Жилло.

– Стряпать? Откуда я знаю? Из Кульдига еще не прислали распоряжения, кому у нас стряпать. Вот пока общий хлев построим, каждый будет у себя дома питаться. А потом – не знаю. Должны же они прислать распоряжение! А то – никакого равноправия. Женщина – кисни над плитой и над пеленками, а эти поганцы – трубочку в зубы и довольны! Нет уж, с нас хватит!

– Угомонись, Эрна. Так же всегда было, – напомнил Жилло. – Женщина стряпала, мужчина пахал...

– Ну и неправильно все это было! – заявила она. – Погляди на меня, я что, пахать не смогу? А вот он пусть котел картошки начистит! Правильно придумала Равноправная Дума, теперь нам, женщинам, жить будет легче, кончилась наша каторга.

– Видно, не нужен тебе больше твой муж, – усмехнулся Жилло.

– А что в нем хорошего? Такой же бездельник, как и другие. Сын – и тот не от него...

– Сын? – Жилло уже потерял способность изумляться. Конечно, было невероятно, что Эрна родила тогда ребенка, но он вдруг понял – это случилось, уж очень она хотела.

– Твой сын, Жилло. Только не стоило мне тогда рожать. Неудачный у нас с тобой парень получился.

– Это как – неудачный? Больной, что ли?

– Ну, как пожать – он не хворый. Но сидит часами, смотрит непонятно куда. Ты его утром спросишь – Виго, тебе каши в миску добавить? А он к обеду отвечает – спасибо, матушка, я сыт...

– Виго, значит. Где он? – стараясь соблюсти спокойствие, спросил Жилло.

– Возле общественного хлева околачивается.

– Я хочу его видеть, – хмуро сказал Жилло. Новость его как обухом по лбу шархнула. Единственный сын! И неудачный...

Парень действительно был так себе... Жилло – тонок, жилист, смугл, а этот – крупный, рыхловатый, весь какой-то белесый, как разваренная картофелина. Сидел на бревне, травинкой

букашку по коре гонял. Пять минут гонял, десять. Смотрел Жилло, смотрел, и стало ему кисло. Не просыпалось в душе ничего такого... отцовского...

– Да, напрасно мы тогда... – пробормотал он.

– Мне это здорово помогло, – ответила она. – Я ведь, дура, до сих пор подарочек твой храню. Хотя по нему помойное ведро плачет...

– Ну так отдай... – все еще мучаясь и переживая, попросил Жилло.

– Пошли.

Привела Эрна Жилло в свой домик. Рассказала по дороге, что муж оправился, что насчет ребенка подозрений не было, а других детей она не родила – сперва трудно жить было, потом поняла, какой у нее Виго неудачный, и не захотела. И вынула она из шкатулки с дешевыми бусами бумажку, и развернула бумажку, и достала тусклого золота колечко.

– Спасибо, что сберегла, – горько улыбнулся Жилло.

А больше ему и сказать этой женщине было нечего. Сын Виго жил себе и жил, имея законного отца и мать, менять тут что-то – нелепо. Лучшее, что Жилло мог сделать – это оставить Эрну с ее семейством в покое. Да, правду сказать, именно это ему и хотелось сделать – поскорее оставить их всех в покое.

Объяснил Жилло Эрне, что нужно ему поскорее попасть в Кульдиг, и пожаловался на мужичков, не решившихся его туда отвезти.

– Ну и дурачье, – сказала Эрна. – У нас же есть список доходов и расходов для детского дома, а в нем – строчка «случайные пожертвования». Вот туда мы твою плату за повозку и впишем. А пропить – пусть они свои последние штаны пропивают!

Согласился Жилло на такую махинацию – и пожалел. Потому что когда к домику Эрны подкатила телега и Эрна спрыгнула на землю, оказалось, что вожжи держит Виго.

– Женщины решили, что он уже достаточно взрослый, – смущенно сказала Эрна. – Вполне может довезти тебя до Кульдига и вернуться обратно. Не такая уж великая наука... Я не хотела... Все так решили...

Пожал незаметно Жилло Эрне руку, кинул котомку в телегу и сам рядом с сыном уселся. Поехали.

Сперва молчали. Жилло колечко на пальце крутил. Удивительно, что нашлось это заветное колечко. Ведь могла выбросить в помойное ведро...

– Это золотое? – неожиданно спросил мальчик.

– Нет, Виго.

– А какое?

– Ты не поверишь... – и Жилло задумался, вспоминая. – Если хочешь, расскажу, как оно ко мне попало.

– Давай, – вялым голосом позволил Виго.

– Я когда-то травознаем был. Жил с дедом в горах. И целыми днями по склонам лазил, целебные травы и корни искал. Однажды вскарабкался на вершину, там сосенка крошечная выросла, а в хвое запутался длинный золотой волос.

– Из настоящего золота? – не поверил Виго.

– Да нет, он просто выглядел, как золотой. Я его распутал, растянул – еле рук хватило. Женский волос чуть ли не в пять футов длиной – вот что это было такое! Видел ты где-нибудь такие волосы?

Виго недоверчиво на него покосился.

– Накрутил я его на палец, получилось колечко. И так этот волос улеся, что оба кончика потерялись и стало кольцо, будто металлическое. Носил его, носил – как будто с хозяйкой обручился...

Сказал это Жилло – и чуть собственным языком не подавился. Так ведь и получилось! Надел он волосяное колечко семнадцатилетним – и женился после этого? Да никого подо-

дящего не нашел! Недавно, можно сказать, окончательно решился – и опять недоразумение. Получается, ждал ту, у кого этот длинный волос улетел. Ничего себе обручился! И, главное, на старости лет вернулось к нему заветное колечко. К чему бы?

– А я думал, золотое... – буркнул Виго.

Дальше ехали молча, пока не добрались до поворота. Из леса выбежала широкая тропа и втекала в большую дорогу. Виго остановил лошадь.

– Я сойду, ладно? – сказал он. И, неуклюже спрыгнув с телеги, пошел по тропе. Жилло крутил, крутил колечко и вдруг сообразил – парень-то задерживается! Не случилось ли чего?

Новоявленное отцовское чувство вытряхнуло его из телеги и погнало по тропе. Виго как сквозь землю провалился. Бросив лошадь с телегой на произвол ее лошадиной судьбы, Жилло быстрым шагом шел и шел, пока не увидел сына. Тот был в странной компании – с ним беседовала сгорбленная старуха, запустив при этом руку в пышный загривок ручного волка. Жилло так и встал посреди тропы.

Виго обернулся и посмотрел очень даже недовольно. Старуха что-то сказала ему и пошла прочь, опираясь на своего волка. А мальчик медленно побрел к отцу, шлепая деревянными башмаками.

– Это Мартина, – объяснил он. – У нее колени воспалились и поясница болит. Ей уже недолго жить осталось.

– Ты ей лекарство привез? – спросил Жилло, припоминая, давала ли Эрна сыну такое поручение.

– Нет, хлеба полкаравая и сало.

– Где же ты хлеб держал? – удивился Жилло, потому что никакого узелка мальчик с собой не имел.

– Под рубашкой, на пузе, – признался скучным голосом Виго.

– Мать, что ли, отвезти велела?

– Нет, мать не знает. Я сам.

– Сам? – не поверил ушам Жилло.

– Она же старая и ей недолго жить осталось, – повторил сын, глядя на него даже с некоторым удивлением – как это взрослый не понимает простых вещей?

Они вышли из леса, сели в телегу и до самого Кульдига не получалось у них разговора. А до чего кисло было у Жилло на душе – этого и вообразить себе невозможно. Одно утешало при расставании – он знал, где живет мальчик, и мог, если судьба позволит еще не раз туда вернуться.

– Вот плата за провоз, отдашь матери, – сказал он, вылезая из телеги у городских ворот. – Давай езжай скорее, а то уже поздно. Пока вернешься – ночь настанет.

– Я ночи не боюсь. Ночью всякие хорошие вещи придумывать можно, – сказал Виго. – Ты попробуй. Я когда не сплю, всегда придумываю. Ну, будь здоров, дяденька.

И уехал. Смотрел ему Жилло вслед, смотрел – пока не скрылась телега за поворотом. Вздыхнул – поговорили папаша с сыночком... Стало быть, ночлег искать надо. Не к лекарю же проситься... Кстати, еще неизвестно, каким боком вышла ему дурацкая экспедиция графа в замковые мастерские.

Ночлег Жилло нашел сразу. То есть как – сразу? Сперва шел он из улицы в улицу, обнаруживая лишь запертые двери питейных заведений. Очевидно, Равноправная Дума всерьез принялась за кульдигских пьяниц. А потом увидел дверь, ведущую в погребок. Дверь эта была распахнута, внизу было светло, а уж какой галдеж оттуда шел – так прямо сердце радовалось! Хозяйка давала разгон служанке за разбитую посуду, одновременно костеря еще кого-то за сырые дрова и иные неприятные вещи. Жилло спустился в погребок – и только вовремя брошенная на стол монета угомонила пышную красавицу-хозяйку.

Она прогнала своих помощников на кухню и сама подала Жилло ужин. Более того – присела рядом, пока он с едой управлялся. Похвалил Жилло стряпню – оказалось, хозяйкина заслуга. Похвалил он чистоту – и приглашения на ночлег удостоился.

Тогда он и кабачок похвалил. Особенно ему вдруг полюбились невысокие сводчатые потолки. Прямо графским замком повеяло.

Спросил Жилло у симпатичной хозяйки, что это еще за чудо. И услышал, что раньше тут действительно замок стоял, но на неудачном месте – весь первый этаж в землю ушел, второй про войну пострадал, его перестроили, а третий уж вовсе заново делали. Чей замок, какого времени – поди теперь докопайся! Одни своды остались. Может, двести лет назад под этими сводами столы накрывали, жареных кабанов на огромных блюдах выносили... или с охоты всадники сюда прямо на конях врывались, впереди – сам король...

Охнул Жилло – вот так думаешь, думаешь ночью, таращась в крестовый свод над головой, и до короля додумаешься! А его и вспоминать запрещено. Был и исчез. Потому что никому в государстве не нужен. И память о нем вытравили... вытоптали... Тьфу! Что там капитан про цветок на бархате говорил? Не вытравили, не вытоптали?...

Ох, некстати посоветовал Виго родному папочке думать ночью и всякие вещи придумывать. Лежал этот самый папочка и чувствовал, что разрозненные нити, которых он за минувшую ночь нахватался, увязываются в один тугой узелок. Перстенок, что ювелир у лекаря утащить пытался. Подарочек от прекрасной соколицы. Странные речи пьяного капитана. Только возвращенному колечку в этом узелке места пока не находилось, но чувствовал Жилло – и оно какую-то роль сыграть обязано. С тем и заснул.

А во сне девицу увидел – с длинными огненными кудрями. Пролетела и прядь прямо в лицо ему швырнула! Горячую золотую прядь...

Открыл Жилло глаза – а это солнечный луч в погребок пробрался. И хозяйка приоткрыв дверь, крикнула, что пора вставать, умываться и завтракать.

Несмотря на ранний час, была она при полном параде – чепчик кружевной кокетливый, косынка розовая на груди искусственным цветком сколота, фартук с вышивкой и мережкой, юбка атласная полосатая, розовая с палевым, и башмачки с большими пряжками. Волосы под чепчик упрятала – и выглядела строгой-престрогой, хотя уже ни с кем не воевала и метлой не замахивалась.

– Встаю, Дениза! – отозвался Жилло, злоумышляя – а если не встать, придет она сдергивать одеяло или не придет? Хозяйка с виду была его ровесницей, и хотя полновата, зато щечки – персики, ручки – поразительной белизны, ко всему вдобавок черные лукавые глаза. Да еще эти пряжки, мелькающие из-под юбки, и кусочек белоснежного чулка... Утром, наконец-то отдохнув после всех приключений, приятно, господа любезные, помечтать о беленьких чулочках...

Видно, у хозяйки не было недостатка в кавалерах. Потому и не стала она с Жилло одеяло сдергивать, а подкралась и ледяной водой из кружки в лицо брызнула. Расхохотались оба – делать нечего, надо вставать.

Поев, расспросил Жилло Денизу, как найти старого ювелира. Она дала четыре адреса. Нахлобучил Жилло парик, напудрил и поддурманился по городской моде пуховкой и кроличьей лапкой Денизы, посмотрел на себя в хозяйкино зеркало – еле на ногах устоял. Увидел бы его таким старый граф – голову бы снес напрочь! Он такого баловства не уважал.

Разумеется, только четвертый адрес оказался верным.

Ювелир жил небогато. Старуха служанка наотрез отказалась впускать гостя и даже докладывать о нем. Господин равноправный думский ювелир делом занят – вот как она диковинно выразилась. Да старухе и простительно – что она, трухлявая, в равноправии понимать может?!

Обошел Жилло ювелирский домик. Вероятно, хозяин и впрямь что-то этакое по срочному заказу мастерил, как кричала из-за двери старуха. Но и у Жилло дело такое, что отлага-

тельств не терпит. Кроме того, что надо про перстень с золотым цветком разведать, неплохо и судьбу лекаря с графом узнать. Лекарь-то жив наверняка, что ему делается, а господин граф?

Человеку, который привык по горам лазить и ночью через Вентас-Румбу козлом скакал, окошко на втором этаже – все равно что широко распахнутая дверь. Добрался Жилло до этого выходящего во двор окна очень даже просто и очень даже вовремя – ювелир как раз стоял носом в угол, извините, над ночным горшком... А на столе у него лежало то, что он по срочному заказу Равноправной Думы мастерил, – и оказалось это художество обыкновенным доносом.

Лепясь к круто уложенной черепице, стянул Жилло исписанный мелким, воистину ювелирским почерком лист, прочитал первые строчки – и прямо зашелся от ярости! А тем временем ювелир привел себя в порядок, горшок под кровать задвинул и сунулся к столу – а там пусто! Выглянул ювелир в окошко – может, бумагу ветром вынесло? А сбоку рука вылезла, на тощенькое горлышко легла и аккуратно его сжала. С хрипом уцепился ювелир за стол и назад отшатнулся. Жилло же, держась за ювелирово горло, с крыши в комнату перепрыгнул.

– Ну, здравствуй, скотина! – говорит. – Что это ты такое сочинил? Тебя в приличном доме принимали, а ты про хозяина всякую мерзость пишешь?

– Что велели, то и пишу! – отвечает с грехом пополам ювелир.

– Это тебе Равноправная Дума такое про лекаря сочинять велела? – и, чтобы ювелиру удобнее было оправдываться, Жилло отпустил его горло. – Говори, но знай – вопить и на помощь звать не надо. Домик твой окружен. Шестеро вход караулят, еще трое – там, за забором, на случай, если вздумаешь из окошка уйти.

– Да кто вы, господин мой, такие? – забормотал ювелир. – Разбойники? Грабители?

– Поднимай выше! – фыркнул Жилло. – Какой я тебе господин? Ты, старый хрен, насчет господина – брось! Мы – тайная служба. Тайная думская равноправная служба. Проверяем, как ее распоряжения выполняются, болван! Ты ведь распоряжение получил? Получил. Так вот, мы и проверяем.

Придумать тайную думскую равноправную службу, которая среди бела дня по окошкам лазит, нормальный человек мог только с похмелья, сказал сам себе при этом Жилло. Но раз тут все ненормальные, должно подействовать! И подействовало.

– Значит, говоришь, что пишешь тут Равноправной Думе чистую правду?

– Наичистейшую! Как бриллиант распречистой воды!

– «Настоящим доношу, что готов и могу выступить свидетелем по делу о проникновении в секретные помещения Коронного замка графа Иво оф Дундаг и думского лекаря Арно Кандава...», – прочитал Жилло. – Это хорошо, что готов. А сможешь повторить свои показания в зале суда, лицом к лицу с обвиняемыми?

– Смогу, конечно, о чем разговор! – воскликнул удивленный дурацким вопросом ювелир. А Жилло понял, что молодой граф жив – не станут ведь судить покойника. Хоть и глупа Равноправная Дума, но не настолько же!

– Тогда продолжаю. Так... не в первый раз слышал возмутительные анекдоты про Думу... ну, это ерунда. Про анекдоты мог бы и не писать. Их теперь все рассказывают. Так... знал, что Арно Кандав хранит перстень с королевским гербом... Это что еще за новости?! Знал и не донес?

– Мне бы на слово не поверили. Я и хотел донести, но приложить перстень к заявлению, – объяснил ювелир.

– Вот и глупо, – возразил Жилло. – Кто бы тебе поверил, что ты его именно у лекаря стянул? Может, ты сам его дома десять лет хранил, а потом испугался? Надо было доносить, пока перстень у Кандава. Разве ты сам до этого не додумался? Может, у тебя еще какие-то мысли в голове были? Ну-ка!

И Жилло опять одной рукой ухватился за ювелирское горлышко, а другой полез себе за спину – там за поясом торчал выданный моряками короткий и широкий нож, очень даже внушительный.

– Ну, были!... – хнычущим голосом признался ювелир. – Он ведь как сделан, этот трехклятый перстень? Герб изнутри камня золотом выложен! Это же уникальная работа, ей цены нет! Я бы сообразил, как это делается...

– И говоришь, что такой ценный перстень лекарь получил в уплату от деревенской старухи? – поглядев в донос, осведомился Жилло. – Тут уж ты точно путаешь. Не могло быть у старухи перстня.

– Не могло, но был, – уверенно возразил ювелир. – Когда Кандав ездил лечить секретаря тамошнего уездного правления, то по дороге парня больного подобрал и домой привез. С ним такое бывает... Тот непонятной дряни наелся, его судороги били. Кандав его на ноги поднял, но одного отпускать не стал. Бабка за ним приехала. Парень – из простых, а эта – и вовсе убогая. Оказалось, он ей – внук. Единственный. Причем парень страшно был недоволен, что его вылечили! Кандав сказал бабке, что ему еще месяца два нужно в еду тайно одно снадобье подмешивать, тогда выздоровеет окончательно. А снадобье дорогое. Бабка мучилась, мучилась – решилась! Узелок какой-то достала, перстень вынула и за снадобье расплатилась. А как к ней этот перстень попал – дурак Кандав даже не спросил. А перстню цены нет! Я вот думаю – если суд состоится, позволят ли мне потом этот перстень выкупить?

– Так ты и написал, – согласился Жилло, сверившись с доносом и не обращая внимания на ювелирский намек. – Умница, хвалю. Впиши также, откуда эта бабка с внуком, чтобы мы могли и это проверить.

– А кто их знает, откуда... – вздохнул ювелир. – Разве все путешествия Кандава в голове удержишь? Уехал он тогда, кажется, вверх по Венте, а вернулся и вовсе от Полосатого мыса... Самой бабке он тоже лекарства давал. И как к ней только перстень угодил? Ему место у знатока, а не у безграмотной бабки...

– От чего лекарства? – строго спросил Жилло. – Ну? Забыл? Посмел забыть?!

– От ног и от поясницы! – неожиданно для самого себя с перепугу вспомнил ювелир. – Я вам, сударь, правду скажу, потому как вы ее все равно узнаете. Я давно вокруг этого перстенька кругами хожу. И если мне его позволят выкупить, я разберусь, как он сделан, и всей Благородной Думе такие перстни смастерю, с любыми равноправными символами! Хоть с топорами, хоть с мотыгами!

Жилло присвистнул. Впрочем, мало ли от Кульдига до Полосатого мыса хворых бабок. Причем хвороба – самая старушечья. Совпадение? Скорее всего, подумал Жилло, если бы не события последних суток, разумный человек сказал бы – совпадение. Но столько всего случилось, и так одно за другое зацепилось, что он мог бы поклясться – это и была бабка с ручным волком.

Потом он еще детали доноса уточнял – насчет давнего знакомства лекаря с графами оф Дундаг. И до того договорился, что Арно Кандав мог и заговор сочинить – против Равноправной Думы, разумеется. Ювелир, сволочь поганая, возражать не стал. Тогда Жилло ему посоветовал написать про заговор поувлекательнее – с расчетом, что получится несусветная чушь и дребедень, которую взрослые люди и читать не захотят.

Занятная получилась беседа, ничего не скажешь. Провел графский слуга ювелира, провел как младенца неразумного! И, будучи выпущен по-человечески, через двери, шел он по улице и радостно думал – это до чего ж надо обалдеть, чтобы мошенника, забравшегося в окно, за тайную службу принять! Наверно, есть и в самом деле эта служба...

Значит, жив молодой граф и жив старый лекарь. Содержатся они в подземельях Коронного замка. Надо выручать. Надо в замок пробираться. Невозможно? А надо! Надо! Надо!

Сказал себе Жилло, что надо – и сразу в голове у него прояснело. Если думский лекарь в подземелье угодил – это событие. Наверняка же он половину Думы от старческих хворей лечил! Значит, кое-кто ему хоть чуточку, а поможет. Свидание с родными дозволит. Или чтобы домашней жратвы корзиночку принесли. И подушек с одеялами. А кто понесет? А Лиза!

Вернулся Жилло в погребок. Там уже Дениза на кухне вовсю трудится. Отозвал он ее в сторонку.

– Помоги, голубушка, красавица! – взмолился. – Сходи со мной в гости!

– Интересное у тебя похмелье... – отвечает на это красавица. – Вот так прямо все бросила и в гости среди бела дня побежала! Совсем ополоумел!

– Надо, Дениза, радость, – не унимается Жилло. – Ну, могла ты, скажем, жарить пончики и маслом кипящим на руку брызнуть? Чтобы волдырь вскочил и нужно было к лекарю бежать?

– Отродясь не брызгала! – возмутилась Дениза. – Что я, слепая или неуклюжая? Или сковороды в руках не держала?

– Ну, по лестнице бежала, ножку подвернула? Пойти к лекарю, чтобы вправил?

– Сейчас я тебе самому что-нибудь этакое вправлю, – пригрозила Дениза. – У меня, Жилло, кролик тушеный подгорает, а ты с глупостями пристаешь.

– Ну так от горячей печки на сквозняк выскочила, горло заболело, нос заложило!...

– Ну, если ты меня еще и сопливой обзывать будешь!...

Дениза, одной рукой тряся закрытую сковороду с крольчатинной, другой потянулась за кочергой.

Жилло, естественно, убрался с кухни. А ведь так хорошо задумал – первой послать к Лизе и Маго Денизу. Мол, в докторе нуждаюсь, горячим маслом ошпарилась, как, что, не может быть, в подземелье сидит?! И если окажется, что этим Равноправная Дума со своей тайной службой ограничились, то следующим пациентом будет Жилло – впустите болезного, в докторе нуждаюсь, об водопад проклятуший колено расшиб! Но если же за домом следят, Дениза выйдет и тайный знак подаст. Ну, складно как придумал! А у Денизы какой-то шибко равноправный деятель в погребке расселся, и все вокруг него мельтешат. И она тоже хороша – с реверансом ему блюдо с зеленым салатом подает! Снизу ему в лицо заглядывает и смеется!

И обозвал себя Жилло старым козлом, поняв, что попросту ревнует. И поделом это было...

Обидевшись на ветреную не по годам Денизу, Жилло напряг свои мыслительные способности еще раз, и понял, что сперва он все нелепо усложнял. Конечно, в разведку должна идти беззащитная женщина – но почему именно Дениза? Если ювелир его нарумяненного не узнал, то и прочие вражьи дети не узнают. Так что беззащитной женщиной будет он сам.

В комнатке Денизы на стене под простыней висели юбки – все наглаженные, шелковые и атласные, нежнейших расцветок. Жилло решил, что ему вполне трех вещей хватит – юбки, шали и чепца, потому что корсаж ему в одиночку все равно не осилить. Взял все это, не спросясь. Но брал по совести – не самое лучшее. А на выходе из погребка столкнулся с хозяйкой. И, пока она стояла, руки разведя, так и чесанул по улице. Во всю прыть, сколько позволяло колено. Чтобы все прохожие видели – это болезная убогая старушка к лекарю ковыляет.

Были у него к Лизе и Маго такие вопросы. Во-первых, как там господин лекарь. Во-вторых, что с графом. В-третьих, не нужны ли деньги. У него же имелся для таких расходов капитанский кошелек. В-четвертых, хотелось еще раз услышать историю про перстень с золотым цветком. А потом уж свести в голове все вместе и крепко задуматься.

Чем ближе к лекарскому дому подходил Жилло, тем медленнее ковылял. И голову ниже плеч повесил. И губу нижнюю на волю выпустил – чтобы отвисла и оттопырилась. Словом, стал безумно хорош собой. И только удивлялся – почему прохожие красномундирные гвардейцы ему под чепец не заглядывают? Молодым девчонкам так и норовят, а бабушкой пренебрегают.

Неравноправие получается! Наконец добрался, вполз на крыльцо и постучал чугунным кольцом о дверь.

Открыла Лиза.

– Ох, доченька, красавица, дома ли господин лекарь? – прошамкал Жилло, стараясь глядеть ниже шилообразного носа. – Скрючило меня, сил нет, помираю! Совсем уж померла!

Лиза втащила покойницу в дом, дверь на засов заперла и хорошенько бабушку-старушку за плечи встряхнула.

– Ты, – говорит, – раньше смерти не умирай, бабуленька! Лекаря дома не случилось, да я сама тебе помогу, я знаю, где у него главная микстура стоит!

И хватает с ближайшей полки бутыл. Жилло сам в замке служил и порядок наводил, он эту микстуру по запаху признал, ею два раза в год старая графиня заставляла мебель натирать от жучков и плесени.

Шарахнулся Жилло от лекарства, а Лиза уже и крышку открутила, и в горло эту дрянь влить норовит! А руки у девчонки сильные, она уже и голову Жилло запрокинула, и бутыл к губам ему подсунула – пей, бабуля, на здоровье! Еле Жилло вырвался.

– Ну что за свинство! – говорит. – Одна сегодня чуть кочергой не приласкала, другая с мебелью перепутала! Того гляди, тараканью отраву какая-нибудь третья поднесет!

И стащил с головы чепец и шаль.

– Наверно, заслужил и кочергу, и все остальное! – смеется хитрая Лиза, которая, конечно же, узнала его сразу. – Давай сюда свой маскарад. Это ты правильно сделал, что переодетый пришел.

Протянул Жилло шаль с чепцом, а Лиза сразу не взяла.

– Гляди, колечко у тебя появилось. Где такое взял?

– Обручился, – усмехнулся Жилло. – С удивительной красавицей. Косы у нее до пят. Она их утром срезает и волосы по ветру пускает, а к вечеру они опять вырастают. Она мне волосок подарила, я из него колечко смастерил.

– Так уж и подарила? – не поверила Лиза. Ну, всюду ей нос сунуть требуется – благо вид у него подходящий...

– Ну, в горах на сосенке нашел. Все равно считаю, что обручился. Она кочергой не размахивает, полировку в моих кишках не наводит – на ней и женюсь, – уверенно пообещал Жилло. – Теперь, девчоночка моя ненаглядная, давай говори, что с господином лекарем и что с графом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.